

Спаси Юру

Саша Ардаша

Спаси Юру

«Автор»

2026

Ардаша С. С.

Спаси Юру / С. С. Ардаша — «Автор», 2026

Главный герой получает шанс оказаться в Советском Союзе конца 1960-х годов, сохранив знания о будущем. Но вместо того чтобы становиться полководцем или искать личную выгоду, он выбирает другой путь — изменить экономику, реформировать государственное управление и предотвратить десятилетия застоя.

© Ардаша С. С., 2026

© Автор, 2026

Саша Ардаша

Спаси Юру

Глава 1

Удары глухим эхом отдавались в моей голове. Судя по ощущениям, били сильно за прожитые годы я научился отличать хороший удар от слабого. Шею и затылок обжигал холод. Боль в заплывших глазах постепенно стихала, сознание прояснялось. Зима. Морозная ночь. Я лежал навзничь на снегу. На лице засохла кровь, во рту стоял металлический привкус. Где-то совсем рядом продолжалась драка. С трудом приподняв голову, я увидел двух здоровенных мужиков, молотивших друг друга кулаками. В ночной тишине каждый удар звучал особенно гулко и тяжело. Чуть поодаль стояли двое парней и не вмешивались. Хватит, Димон! тяжело дыша, выкрикнул один из дерущихся. Но Димон останавливаться не собирался. Он сшиб противника с ног и навис над ним. Вот ты, сука... выругался тот, лёжа на снегу. Ты что, родного брата убить хочешь? Дима застыл с занесённым кулаком. «Убить бы его мало...» читалось в его глазах. Этот алкаш только освободился из тюрьмы и уже успел избить его школьного друга. Но если сейчас родители Сашки дадут делу ход, брата снова посадят. А мать этого не переживёт. Ты зачем его ударил? сквозь зубы спросил Дима. Да этот пацан слишком борзый... попытался оправдаться лежащий. И только теперь я понял, что речь идёт обо мне. Я лежал на снегу, но почти не чувствовал холода. Странно... Обычно мои больные суставы давно бы напомнили о себе. А сейчас ничего. Двое парней смотрели прямо на меня. Что происходит? Пошёл ты... бросил брату Дима, затем подошёл ко мне и протянул руку. Вставай, Сань. Я посмотрел ему в глаза, ничего не понимая. Но рука сама потянулась навстречу. Он легко поднял меня на ноги. Вася! Вынеси воды! крикнул Дима. Один из парней убежал во двор и через минуту вернулся с ведром. Я наклонился над водой... И замер. Из тёмной поверхности на меня смотрело незнакомое, опухшее лицо подростка. Бля что это?.. само вырвалось у меня. Саня... тихо сказал Дима. Мой брат, конечно, не прав. Но если его посадят, меня отправят в детский дом. Мама этого не переживёт... Прости его. Мы же с тобой друзья. Не дай случиться беде. Синяки сойдут, а жизнь уже не исправишь. В голове словно что-то щёлкнуло. Перед глазами замелькали чужие воспоминания. Я... Саша. Мне семнадцать лет. Я учусь в десятом классе. Эти ребята мои одноклассники. Какого чёрта?.. Ещё несколько минут назад я шёл домой из аптеки, размышляя о том, что жить мне осталось совсем немного. Болезнь практически добила меня. И вдруг... Темнота. Удары. И теперь я стою здесь молодой, избитый, но живой. Два сознания начали сливаться в одно. Дима с тревогой смотрел на меня. Я умыл лицо ледяной водой. Боль стала терпимее. Разбитая переносица, заплывшие глаза... Рядом молча стояли Вася и Костя. Они ждали моего решения. Мысли постепенно выстраивались в единое целое. Я действительно попаданец. Хорошо... произнёс я хриплым голосом. Скажу, что ударился о перекладину турника. Дима крепко обнял меня. Спасибо, друг... Буду обязан тебе до конца жизни. Я школьник. Живу в Подмосковье. Отец мастер на заводе. Мама заведует лабораторией. У меня есть младшая сестра. Мы живём в двухквартирном кирпичном доме. Дима мой сосед и лучший друг с детства. Его отец давно умер. Остались мать и старший брат, дважды сидевший в тюрьме. Мы медленно пошли домой. По дороге ребята рассказывали о школе, учителях, одноклассниках и нашей жизни, помогая мне восстановить память. Моя старая жизнь закончилась. Началась новая. Мы дошли до моего дома молча. Дима всю дорогу украдкой поглядывал на меня, словно боялся, что в последний момент я передумаю и пойду к участковому. Вася и Костя несколько раз пытались перевести разговор на школу, но слова не клеились. Слишком свежей была драка. Перед двухквартирным кирпичным домом ребята остановились. В понедельник зайду перед школой, сказал Дима. Если голова сильно разболится, скажи матери, что поскользнулся. Ладно, кивнул я. Он ещё несколько секунд смотрел на меня, потом развернулся и быстро пошёл по улице. Вася с

Костей направились следом. Я остался один. Во дворе было тихо. Из труб поднимался дым, снег под ногами приятно поскрипывал, а из окон первого этажа пробивался тёплый жёлтый свет. «Дом...» промелькнуло в голове. Домой я прокрался тихо, стараясь никого не разбудить. Разделся, лёг на кровать и почти сразу уснул. Слишком много событий произошло за один вечер. Проснулся я уже утром. Был субботний день. Первое, что я увидел, побелённый потолок. Из кухни доносился аромат жареных блинов, а где-то тихо работало радио. Я несколько секунд лежал, глядя в потолок. «Ну что, Саша... Теперь это твоя жизнь. Придётся вживаться в роль», подумал я. Память уже почти полностью слилась с моей собственной. Я прекрасно знал, что сейчас за столом сидят мама, отец и младшая сестра. Надев домашнюю одежду, я вышел на кухню. Стоило маме поднять на меня глаза, как она всплеснула руками. Господи, Саша! На её глазах выступили слёзы. Сестра испуганно прикрыла рот ладошками. Отец, наоборот, спокойно снял очки, внимательно посмотрел на меня и едва заметно улыбнулся. Ты чего улыбаешься? возмутилась мама. У тебя сына покалечили! Не покалечили, спокойно ответил отец. Живой же. Живой... Посмотри на него! Мам, всё нормально, попытался успокоить её я. Сам ударился. Как это сам? И начался настоящий допрос. Где? Когда? При каких обстоятельствах? Почему один? Я снова и снова повторял заранее придуманную историю про турник. Мама не очень верила, но доказать обратное не могла. Между вопросами мне всё же удалось перехватить несколько горячих блинов со сметаной. Я ел и не мог поверить собственным ощущениям. В прошлой жизни врачи давно запретили мне подобную еду. А сейчас организм семнадцатилетнего парня требовал ещё. Всё, решительно сказала мама. Больше никаких вечерних прогулок. После школы сразу домой. Это было наказание. Я лишь кивнул. Спорить не имело смысла. После завтрака отец вынес во двор двуручную пилу. Каждую субботу мы заготавливали дрова. Эта традиция существовала много лет. Мы молча распилили несколько брёвен, пока отец неожиданно не остановился. Воткнув топор в колоду, он посмотрел мне прямо в глаза. А теперь расскажи как мужчина мужчине... Кто это сделал? Я встретился с ним взглядом. И понял, что врать этому человеку нельзя. Впервые в жизни он разговаривал со мной не как с мальчишкой, а как со взрослым. Я глубоко вздохнул и рассказал всё. О драке. О брате Димы. О том, почему решил никому не жаловаться. Отец молча выслушал, не перебивая. Когда я закончил, он закурил папиросу. Правильное решение, наконец произнёс он. Иногда синяки заживают быстрее, чем сломанные судьбы. Если бы его снова посадили, пацан действительно оказался бы в детском доме. А мать могла этого не пережить. Я облегчённо выдохнул. Отец понял меня. Но через мгновение он добавил: Только это не значит, что виновный останется безнаказанным. Он затушил папиросу. Хватит работать. Пойдём. Куда? Разбираться. Через несколько минут мы уже стояли у дома Яшкиных. Дверь открыл Володя. Лицо у него было хмурым, но в глазах читался страх. В тюрьму ему возвращаться совсем не хотелось. Отец спокойно объяснил, зачем пришёл. Потом достал лист бумаги и ручку. Володя собственноручно написал расписку, что именно он избил меня и что в случае повторения подобного отец вправе передать её в милицию. После этого отец сказал: А пока будешь возмещать ущерб по-другому. Каждые выходные помогаешь нашей семье по хозяйству. Дрова, снег, ремонт всё, что скажу. Володя опустил голову. Понял... Такое решение устраивало всех. Он оставался на свободе. Дима сохранял семью. А виновный получал наказание, которое ежедневно напоминало ему о содеянном. Вернувшись домой, я посмотрел на стопку школьных учебников. В понедельник начинались занятия. Если уж мне выпал второй шанс прожить жизнь, то выглядеть круглым идиотом на уроках я точно не собирался. Я открыл учебник алгебры и неожиданно понял, что многое помню. То ли помогала память Саши, то ли взрослый опыт, но задачи, казавшиеся когда-то сложными, теперь решались почти мгновенно. Я улыбнулся. Похоже, школа приготовит для меня немало сюрпризов.

Глава 2

За что? Именно этот вопрос не давал мне покоя все выходные. За какие заслуги мне подарили вторую жизнь? В прошлой жизни я перечитал десятки книг о попаданцах. Почти в каждой герой получал второй шанс не просто так. У него обязательно была какая-то цель. Я ждал. И дождался. Утро понедельника. Едва открыв глаза, я услышал чужую мысль. «Спаси Юру.» Всего два слова. Я резко сел на кровати. Сердце забилось быстрее. Что это было? Голос? Сон? Или предупреждение? Кто такой Юра? Память Саша молчала. Я несколько минут сидел неподвижно, пытаюсь понять, показалось мне или нет. Но мысль больше не повторилась. За выходные я успел стать почти образцовым сыном. Помогал родителям по хозяйству, колол и складывал дрова, носил воду, убирал двор. Каждое движение приносило удовольствие. Ничего не болело. Не ныли суставы. Не сводило судорогой спину. Я ел всё подряд мамины блины, жареную картошку, пироги и впервые за долгие годы не думал ни о калориях, ни о диетах, ни о таблетках. Даже постоянные подколки младшей сестры не могли испортить мне настроение. Я снова был молод. И это было настоящее счастье. Собрав школьную сумку, я вышел во двор. У калитки уже стоял Дима. Увидев меня, он улыбнулся. Ну что, герой как память прояснилась? Пошли? Я неожиданно вспомнил, что раньше всё было наоборот. Это я всегда заходил за ним. Похоже, после драки он решил взять надо мной своеобразное шефство. Пока мы шли в школу, Дима без умолку рассказывал обо всём подряд. О наших учителях. Об одноклассниках. О школьных новостях. О предстоящих контрольных. Он искренне пытался помочь мне восстановить память. Я внимательно слушал, складывая в голове картину своей новой жизни. Когда мы вошли в школу, разговоры вокруг сразу стихли. Ученики оборачивались один за другим. Разбитый нос, синяки под глазами производили сильное впечатление. Не успел я снять пальто, как ко мне подошла классная руководительница. Александр, немедленно к директору. В кабинете директора всё повторилось. Кто тебя избил? Никто. Упал на турнике. Ты понимаешь, что я обязана сообщить в милицию? Понимаю. Но это правда. Директор долго смотрел мне в глаза. Потом тяжело вздохнул. Хорошо. Но завтра пусть придут родители. После этого меня допустили к занятиям. А по школе уже расползались слухи. Каждый следующий был невероятнее предыдущего. Кто-то говорил, что на меня напали хулиганы. Кто-то уверял, что я подрался сразу с тремя старшеклассниками. Нашлись даже свидетели, рассказывавшие, будто я защищал девушку. Мы с Димой, Васей и Костей продолжали держаться одной версии. Турник. Неудачное падение. И ничего больше. В глубине души мне даже нравилось внимание. Синяки и разбитый нос не делали меня жалким. Наоборот. Они выглядели как боевые отметины. Будто меня не избил, а я вышел из серьёзной драки на своих ногах. Девчонки всё чаще украдкой поглядывали в мою сторону. Некоторые даже улыбались. А парни смотрели с плохо скрываемой завистью. Вот только меня сейчас волновало совсем другое. Слова, услышанные утром, никак не выходили из головы. «Спаси Юру...» Оставалось понять, кто такой Юра и сколько времени у меня есть. Немного освоившись, я стал пользоваться вниманием одноклассниц. Но они быстро отсаживались от меня почуяв в моих действиях похоть. Я чувствовал свой молодой организм и хотел их. Но они воспитанные в СССР не могли себе позволить вольности. После той драки отношение ко мне в школе заметно изменилось. Учителя смотрели с нескрываемой жалостью и почти перестали вызывать к доске. Наверное, боялись лишней раз тревожить избитого ученика. На каждой перемене меня окружали мальчишки. Ну расскажи, что тогда было? Их сколько человек было? Ты хоть одному врезал? Историй становилось всё больше, а вопросов ещё больше. Но я упрямо придерживался одной версии. Упал на турнике. Неудачно. И всё. Постепенно интерес угас. Синяки сходили с лица, и школьная жизнь возвращалась в привычное русло. А девочки приняли общее решение что я бабник. После уроков я сразу шёл домой. Теперь почти всё свободное время уходило на учёбу. Домашними делами неожиданно занялся мой недавний обидчик Володя. Отец сдержал своё слово. После серьёзного разговора он так припугнул его новым сроком, что тот стал появляться у нашего дома почти каждые выходные. Колол дрова, чистил снег, помогал с ремонтом, а вскоре отец устроил его к себе в строительную

бригаду на завод. Как ни странно, со временем мы даже нашли общий язык. Володя оказался не злым человеком. Просто алкоголь, тюрьма и дурная компания давно превратили его жизнь в бесконечную череду ошибок. Работая рядом с отцом, он постепенно менялся. Мне хотелось верить, что в этот раз его судьба сложится иначе. Учёба тоже преподнесла сюрприз. Я боялся, что взрослые знания не помогут, а школьная программа окажется давно забытой. Но опасения были напрасны. Память Саши никуда не исчезла. Более того, я заметил странную особенность. Всё, что рассказывали на уроках, запоминалось практически сразу. Мне достаточно было один раз внимательно выслушать объяснение учителя, чтобы на следующем уроке без труда воспроизвести материал. Домашние задания я выполнял всё быстрее, а оценки уверенно держались на прежнем уровне крепкие тройки. Это не вызывало ни у кого подозрений. Наоборот, если бы вчерашний троечник вдруг начал приносить одни пятёрки, вопросов было бы гораздо больше. В классе я по-прежнему держался особняком. Не был ни заводилой, ни изгоем. Тихий, спокойный парень, который никогда не лез в драки, легко уступал в спорах и старался ни с кем не конфликтовать. Единственным заметным изменением стало отношение Димы. После той ночи он будто взял надо мной шефство. Мы вместе ходили в школу, вместе возвращались домой, а если кто-то пытался отпустить в мой адрес колкость, Диме было достаточно одного взгляда, чтобы желание шутить мгновенно пропадало. Постепенно я понял, что в этом классе уважение зарабатывают не словами. Иногда одного поступка достаточно, чтобы окружающие начали смотреть на тебя совсем другими глазами. Впереди были новогодние каникулы.

Глава 3

Первую четверть я закончил всего с тремя тройками, чем несказанно обрадовал маму. Все переживания из-за драки окончательно остались позади, и я был полностью прошён. Но чем больше времени проходило, тем сильнее я ощущал разницу между своей взрослой памятью и жизнью семнадцатилетнего школьника. Мне не хватало общения. Не хватало шумных компаний, свободных разговоров, возможности просто собраться друзьями. Но на дворе подходил 1968 год. Школьники жили совсем по другим правилам. Общение мальчиков и девочек не запрещалось официально, но негласно не приветствовалось. Каждый понимал, что лишнее внимание со стороны учителей или родителей никому не нужно. Однажды вечером я осторожно сказал маме: А что, если на Новый год пригласить к нам одноклассников? И мальчишек, и девчонок. Мама удивлённо посмотрела на меня. Даже девочек? Конечно. Просто посидим, музыку послушаем, чай попьём. Она улыбнулась. Дом у нас большой. Если хотите встретить Новый год вместе приглашай друзей. Только без глупостей. Я радостно обнял её. Спасибо, мам! На следующий день я рассказал об этом Диме. Он задумчиво почесал затылок. Девчонок? А что такого? Да как-то... не принято. Я рассмеялся. Значит, будем первыми. Мы долго обсуждали, кого пригласить. Нас было четверо: я, Дима, Вася и Костя. Оставалось выбрать девочек. Решили позвать четырёх наших одноклассниц самых весёлых, открытых и тех, с кем было действительно интересно общаться. Ещё совсем недавно никому из нас и в голову бы не пришло отмечать праздник вместе с девчонками. Мы считали их шумными, вредными и совершенно чужими для нашей компании. Но после моего появления всё начало понемногу меняться. Я всё чаще спрашивал Диму о наших одноклассницах. Кто чем увлекается. Кто с кем дружит. Какие у кого мечты. Сначала он только смеялся, но вскоре и сам начал смотреть на девочек совсем другими глазами. Мне казалось странным, что в семнадцать лет мальчишки и девчонки почти не общаются между собой. В моём времени это выглядело бы невероятно. Но тогда всё было иначе. Именно поэтому приглашение на общий новогодний вечер стало для нашего класса настоящим событием. К моему удивлению, родители почти всех девочек согласились. Во многом потому, что моя мама пользовалась большим уважением в посёлке. Ей доверяли. Все знали: если праздник проходит у нас дома, то порядок будет обеспечен. Так незаметно рождалась традиция, которой раньше в нашем классе никогда не было. Новогодний вечер, который я так долго представлял, оказался совсем не таким, каким рисовало его

моё воображение. За годы взрослой жизни память успела дорисовать совсем другую картину. Мне казалось, что будут танцы под пластинки, неловкие объятия, первый медленный танец, тихий шёпот на ушко, украдкой взятые за руку девчонки. Но действительность оказалась куда прозаичнее. В полдень за большим столом собрались наши одноклассники. Мама налепила целую гору пельменей, испекла большой торт, поставила на стол домашние соленья и компот. Мы поели, посмеялись, потом играли в шарады, отгадывали загадки, читали смешные стихи. Ровно в три часа дня родители девочек начали приходить за своими дочерьми. Ещё через полчаса в доме стало тихо. Я недоумённо посмотрел на Диму. И это всё? Он удивлённо пожал плечами. А ты чего ожидал? Я только усмехнулся. Объяснять ему, что в моём времени молодёжь встречала Новый год совсем иначе, было бессмысленно. Нет... Так жить я не хотел. Мне всё сильнее казалось, что я оказался в красивой клетке. Да, я снова был молод. Да, был здоров. Но каждый мой шаг определяли родители, школа, комсомольские правила и бесконечные запреты. Посёлок словно сжимался вокруг меня. И всё это время меня не покидала одна и та же мысль. «Спаси Юру...» Она возникала каждое утро и исчезала только к вечеру Кто такой Юра? От чего его нужно спасать? И почему именно я? Ответов не было. Но сидеть сложа руки я больше не собирался. Нужно было выбираться за пределы посёлка. Вот только как? В Москву одного меня никто не отпускал. Пришлось искать убедительный повод. Однажды вечером за ужином я как бы невзначай сказал отцу: Пап, я решил стать инженером. Он удивлённо поднял голову. Даже так? Да. Хочу записаться в кружок юных техников. В нашем посёлке такого нет. Нужно ездить в Москву. Отец задумался. Мама тоже поддержала разговор. Пускай попробует. Всё лучше, чем по улицам без дела бегать. Через несколько дней мы всей семьёй отправились в Москву. Дом юных техников встретил меня запахом дерева, машинного масла и свежей краски. В просторных мастерских стояли токарные станки, сверлильные машины, верстаки, на полках лежали детали будущих моделей самолётов, автомобилей и кораблей. Ребята встретили меня настороженно. У них уже давно сложился свой коллектив. Большинство знали друг друга ещё с младших классов и пионерских кружков. А тут появился какой-то новичок из подмосковного посёлка. Я прекрасно понимал их отношение. Сам когда-то так же смотрел на новых людей. Но гораздо сильнее меня поразило другое. Я ходил между столами и невольно улыбался. То, что для них казалось вершиной технической мысли, в моих глазах выглядело давно пройденным этапом. Простейшие электросхемы. Модели с механическими передачами. Самодельные радиоприёмники. Всё это было интересно... Но мой взрослый мозг уже видел десятки решений, которые могли сделать эти конструкции намного лучше. Беда заключалась в другом. Ни материалов, ни инструментов, ни технологий для реализации большинства моих идей в конце шестидесятых просто не существовало. Впервые я по-настоящему почувствовал, насколько далеко шагнуло человечество за те десятилетия, которые мне довелось прожить. И всё же именно здесь, среди запаха металла и древесной стружки, у меня появилось ощущение, что второй шанс дан мне не напрасно. Когда занятия закончились, я вышел из Дома юных техников и направился к вокзалу. Снег тихо поскрипывал под ногами. Я шёл, погружённый в собственные мысли, почти не замечая прохожих. Эй, пацан! Я обернулся. Позади стояли трое парней лет восемнадцати-девятнадцати. Обычные городские хулиганы. Я был одет слишком просто, чтобы привлечь их вниманием, но, видимо, чем-то всё же заинтересовал. Подойди. Я подошёл. Сознание взрослого человека ещё пыталось сохранять спокойствие. «Ничего не будет. Поговорят и разойдутся». А память Саши буквально кричала: «Беги!» Слышь, пацан... Рубль есть? Щербатый ухмыльнулся. «Началось...» мелькнуло у меня в голове. Нет. Ответить больше я не успел. Удар пришёл мгновенно. Всё, что я успел сделать, инстинктивно прикрыть нос и глаза. Кулак врезался в челюсть. Я никогда не был боксёром. Ни в той жизни, ни в этой. Сознание поплыло. Мир провалился в темноту. Когда я открыл глаза, вокруг не было ни снега, ни вокзала. Я снова стал стариком. Мои руки покрывали глубокие морщины. Колени дрожали от привычной боли. Я снова ощущал все болезни, которые исчезли после моего переселения.

Передо мной стоял Он. Лица разглядеть было невозможно. Только свет. У тебя есть вопрос? спокойно спросил Он. Я хотел закричать. Хотел умолять. «Верни меня назад!» Я вдруг понял, что готов отказаться от всего. От денег. От успеха. От прежней жизни. Лишь бы снова стать молодым. Но в этот момент внутри словно проснулся кто-то другой. Вторая память. Второе сознание. И прежде чем я успел что-либо понять, мои губы сами произнесли: Мне нужны деньги... Я замолчал. Откуда эти слова? Для чего? спросил голос. Чтобы спасти Юру... Наступила тишина. Я хотел добавить что-то ещё, но мир снова исчез.

Глава 4

Я резко открыл глаза. Вокруг шумели сосны. Я лежал в снегу возле привокзальной дороги. Хулиганов уже не было. Они, видимо, решили, что я потерял сознание, и скрылись. Я быстро ощупал карманы. Обратный билет оказался на месте. Несколько монет тоже. Рубль они так и не нашли. Отряхнувшись, я поспешил к перрону. Поезд уже стоял у платформы. Забравшись в вагон, я сел у окна. Мысли путались. Меня только что избили. Потом я снова видел Его. Это был сон? Галлюцинация? Или... Я не успел закончить мысль. Усталость взяла своё. Я уснул. На этот раз сон оказался необычайно чётким. Будто я смотрел фильм. Тамбур поезда. Трое мужчин. Громкая ссора. Потом драка. Один из мужчин падает. Из его рук вылетает потёртый кожаный портфель. Замки раскрываются. По полу рассыпаются толстые пачки десятирублёвых купюр. Красные банкноты разлетаются по всему вагону. Пассажиры в панике выбегают. Я стою неподвижно и смотрю на деньги. Потом поднимаю взгляд. На двери вагона крупными цифрами написано: **10**. Перед глазами вспыхивает ещё одна надпись. **4 января. 17 часов 45 минут**. Сон оборвался. Я резко проснулся. Поезд продолжал равномерно покачиваться. Первым делом посмотрел на билет. Девятый вагон. Часы показывали 16:45. Сердце застучало быстрее. Что это было? Предупреждение? Или обычный сон? Полчаса я пытался убедить себя, что всё это лишь игра воображения. Но любопытство оказалось сильнее. Я прошёл в десятый вагон. Обычный общий вагон. Несколько пассажиров. Кто-то читал газету. Кто-то спал. Я дошёл до тамбура. Пусто. Ничего. Никакой драки. Никакого портфеля. Я облегчённо выдохнул. «Показалось...» Машинально взглянул на билет. И похолодел. Время прибытия. **17:30**. Во сне было 17:45. Значит... До увиденного оставалось всего пятнадцать минут. Сердце заколотилось. Поезд плавно начал тормозить. Следующая станция... Мой посёлок. Двери открылись. Стоянка десять минут. Я застыл на месте. Выйти? Или остаться? Прошла минута. Вторая. Ничего не происходило. «Зря испугался...» подумал я. Двери начали закрываться. Я остался в вагоне. Поезд медленно тронулся. Я прислонился лбом к холодному стеклу и смотрел, как платформа остаётся позади. Теперь пути назад уже не было. Неожиданно из тамбура донеслись крики. Потом раздался глухой удар. Я осторожно выглянул из-за двери. Двое мужчин ожесточённо избивали третьего. Тот пытался закрыться руками, но силы были слишком неравны. В следующий миг дверь тамбура распахнулась. Из рук упавшего вылетел потёртый кожаный портфель. Он ударился о пол. Замки раскрылись. Крышка откинулась. Из чёрного нутра показались аккуратно перевязанные пачки десятирублёвых купюр. Время словно остановилось. Перед глазами мгновенно вспыхнул сон. Всё совпадало до мельчайших деталей. Руки задрожали. «Это и есть тот самый момент...» Я сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Никто не обращал на меня внимания. Все смотрели на драку. Я быстро присел возле портфеля. Одна пачка. Вторая. Третья. Я молниеносно перекладывал деньги в свою школьную сумку. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышит весь вагон. В этот момент раздался свисток. Милиция! Нападавшие вздрогнули. Один из них выругался. Они бросились в соседний, одиннадцатый вагон. Милиционер подбежал к лежавшему мужчине, поднял пустой портфель и лишь мельком взглянул на меня. Для него я был обычным школьником. Не теряя ни секунды, я пошёл в противоположную сторону. Спокойно. Не бежать. Главное не привлекать внимания. Только оказавшись в другом вагоне, я почувствовал, как дрожат ноги. Первым делом спросил у проводницы: Извините, когда следующая станция? Через час. Час... Я остался без билета. С чужими деньгами. Если сейчас

обнаружится пропажа... Меня посадят. В горле пересохло. Но взрослый разум постепенно взял верх. «Произошло то, что должно было произойти. Теперь паника только навредит.» Я глубоко вдохнул и заставил себя успокоиться. На следующей станции я вышел вместе с пассажирами. Не спеша купил новый билет. Потом почти два часа сидел в зале ожидания, стараясь ничем не выделяться. За это время я передумал обо всём. Кому принадлежали эти деньги? Почему именно мне показали этот сон? И главное... Для чего они теперь нужны? Когда подошёл следующий поезд, я занял своё место и благополучно доехал домой. Мама сразу спросила: Почему так поздно? Обманывать её не хотелось. Я честно рассказал, что пропустил свой поезд и пришлось ждать следующий. О драке и деньгах, конечно, промолчал. Дома всюду лепили пельмени. Я поставил сумку возле кровати, тщательно вымыл руки и сел помогать. Мама одобрительно посмотрела на меня. Отец тоже ничего не сказал, но я заметил в его глазах уважение. После ужина я почти сразу лёг спать. Всю ночь мне снились красные банковские пачки. На следующий день по дороге в школу я рассказал обо всём Диме. Он внимательно выслушал, ни разу не перебив. Когда я закончил, он долго молчал. Я твой должник, наконец сказал он. Если тебе поручили какое-то дело, значит, помогать буду и я. Я кивнул. Только вот кого мы должны спасти? Дима задумался. Потом неожиданно произнёс: А может... Юрия Гагарина? Я остановился как вкопанный. Гагарин... И вдруг память словно ударила током. Март тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Авиакатастрофа. Он погибнет всего через несколько месяцев. Я медленно посмотрел на Диму. Если ты прав... времени у нас почти не осталось. После уроков мы поднялись на самый верх школьной лестницы, где почти никогда никого не было. Заперев дверь чердачного пролёта, открыли мою сумку. Пачек оказалось шестнадцать. Даже страшно было представить, сколько это денег. Для двух десятиклассников целое состояние. Мы переглянулись. Домой такое не понесёшь, тихо сказал Дима. Нет. После школы мы ушли в лес. Там, среди старых сосен, стоял полуразвалившийся сарай. С самого детства это было наше тайное место. Под прогнившими половицами мы выкопали небольшую яму, завернули деньги в плотную клеёнку и тщательно спрятали. Когда работа была закончена, я ещё долго смотрел на замаскированный тайник. Теперь назад дороги уже не было. У нас появились деньги. И появилась цель. Оставалось понять, как спасти человека, которого знала вся страна.

Глава 5

На следующий день мы с Димой снова поехали в Москву. Чтобы наши частые поездки не вызвали вопросов у родителей, я записал Диму в тот же кружок авиамоделирования, куда уже успел вступить сам. Руководитель кружка лишь мельком посмотрел документы и без лишних вопросов принял нового ученика. Мы немного посидели в мастерской, сделали вид, что увлечённо собираем модель самолёта, а затем, отпросившись у руководителя, отправились к нашей настоящей цели. Мы добрались до лётной академии, где проходил подготовку Юрий Гагарин. Однако удача снова отвернулась от нас. На проходной нам сообщили, что из-за зимних каникул занятия временно не проводятся, а большинство слушателей разъехались. Мы ещё немного постояли у ворот, надеясь увидеть хоть кого-нибудь, но вскоре поняли, что ждать бессмысленно. Что будем делать? спросил Дима. Вернёмся в кружок. Надо подумать. До вечера мы собирали модель самолёта, почти не разговаривая. Каждый размышлял о своём. Перед самым закрытием Дима сказал: Я останусь в Москве ещё на пару дней. Попробую узнать, где сейчас Гагарин. Может, кто-нибудь из курсантов подскажет. Я кивнул. Только не рискуй. Не переживай. Мы пожали друг другу руки, и я один отправился на вокзал. Поезд неторопливо покачивался на рельсах. Я сидел у окна, глядя на заснеженные леса. Ничто не предвещало беды. Но вдруг я почувствовал на себе чей-то взгляд. Медленно обернувшись, я встретился глазами с двумя мужчинами. Они сидели через несколько рядов и не скрывали своего интереса. Один был высоким, в сером пальто. Второй пониже, с широкими плечами и тяжёлым взглядом. Мне сразу стало не по себе. «Неужели из-за тех денег?..» Я сделал вид, что ничего не заметил, но внутри всё сжалось. К счастью, рядом со мной сидела полная пожилая женщина

с несколькими тяжёлыми сумками. Когда поезд прибыл на мою станцию, она тяжело поднялась. Вам помочь? спросил я. Она благодарно улыбнулась. Если не трудно, сынок. Я подхватил обе сумки. Мы вышли из вагона вместе. Краем глаза я заметил, что те двое тоже сошли. Они не торопились. Шли следом, держась на расстоянии. Я старался не показывать волнения. Проводив женщину до дома, поставил сумки на крыльцо. Спасибо тебе, сказала она. Заходи хоть воды попей. Мне только этого и нужно было. Спасибо. Она налила мне кружку холодной воды, а потом неожиданно предложила горячего чая. Я согласился. Минут десять мы разговаривали о пустяках. Когда я наконец вышел во двор, улица была пустой. Моих преследователей нигде не было. Я облегчённо выдохнул. Домой добрался без приключений. Вечером помог отцу подшить старые валенки. Потом немного позанимался математикой. С каждым днём я всё больше убеждался, что школьная программа даётся мне удивительно легко. Перед сном я долго думал о Диме. Удалось ли ему узнать что-нибудь о Гагарине? И почему мне всё время кажется, что за нами уже кто-то наблюдает? Эта мысль не давала уснуть ещё очень долго. У Димы в Москве жила тётя. На время каникул он часто оставался у неё, поэтому договориться о встрече было несложно. Утренним поездом я приехал в Москву и уже через час нашёл его в доме его тети. Мы сразу вышли на улицу. За мной следили, тихо сказал я. Дима внимательно посмотрел мне в глаза. Рассказывай. Я подробно описал двух мужчин в поезде, рассказал, как они сошли на моей станции и шли следом до самого дома. Он молча выслушал. Потом спокойно произнёс: Надо дать им ответ. Я удивлённо посмотрел на него. Ты что? Это взрослые мужики. Может, вообще бандиты. Тем более. Нужно подумать... Дима покачал головой. Некогда думать. Если они знают, где ты живёшь, значит, будут ждать следующего раза. Возражать было бессмысленно. По дороге мы зашли в магазин. Диме срочно требовалась новая одежда. За последнее лето он так вытянулся, что давно донашивал вещи старшего брата. Денег в семье почти не было. Всё, что Дима зарабатывал на каникулах, уходило на лекарства для матери. Мы купили ему простое пальто, тёплый свитер и шерстяную шапку. Переодевшись, он стал совсем не похож на деревенского школьника. Потом мы отправились на вокзал. План был прост. Я должен был сидеть у входа и ждать. Если замечу тех двоих подам сигнал. Дима устроился неподалёку, делая вид, что читает газету. Прошло почти два часа. Я уже начал сомневаться, что они появятся. И вдруг увидел знакомые лица. Серое пальто. Широкие плечи. Тот самый тяжёлый взгляд. Я незаметно дёрнул за тонкую верёвочку, конец которой уходил под скамейку. Дима сразу поднял голову. Одного взгляда ему оказалось достаточно. Он неторопливо встал и пошёл следом. Я остался на месте. В драке от меня всё равно не было бы никакой пользы. Дима с детства жил совсем другой жизнью. Пока я читал книги, он после школы работал. Пока я сидел дома, он защищал мать от пьяного брата. За последние два года он вырос почти до двух метров, окреп и научился драться не в спортивном зале, а на улице. Эти уроки были куда жёстче любого бокса. Я видел, как мужчины прошли через перрон, сверились с расписанием, купили билеты и вышли с вокзала. Дима держался в десятке метров позади. Он не торопился. Не приближался. Только наблюдал. Идти за ними я не рискнул. Оставалось ждать. Минут через сорок он появился снова. Лицо спокойное. Дыхание ровное. Будто ничего не произошло. Мы молча вышли на улицу и только потом сели в автобус. Лишь когда двери закрылись, Дима негромко сказал: Всё. Что всё? Он усмехнулся. Они меня не видели. Я дождался, пока войдут во двор своего дома. Когда калитка закрылась, подошёл сзади. Одного уложил сразу. Второй успел обернуться, но тоже недолго простоял на ногах. Ты... убил их? тихо спросил я. Дима посмотрел на меня с удивлением. Ты что? Покачал головой. Просто побил. Полежат недельку-другую, будет время подумать. Он хлопнул меня по плечу. Пока я рядом, никто тебя не тронет. Я невольно улыбнулся. В тот момент я окончательно понял одну вещь. Какими бы знаниями ни обладал человек из будущего, без настоящих друзей ему не справиться. А Дима уже давно перестал быть просто одноклассником. Он стал моим самым надёжным союзником.

Глава 6

Через несколько дней жизнь снова вошла в привычное русло. Школа. Дом. Уроки. Поездки в Москву. Казалось, история с поездом осталась позади. Но это было только начало. В одном из старых домов неподалёку от Казанского вокзала за тяжёлым дубовым столом сидел мужчина лет пятидесяти. Перед ним молча стояли двое. Лица обоих украшали свежие синяки. Значит... упустили? спокойно спросил хозяин. Он был не один, виновато ответил один из них. Пацан оказался крепкий. Мужчина медленно закурил папиросу. Деньги нашли? Нет. В комнате повисла тишина. В портфеле было сто шестьдесят тысяч рублей, произнёс хозяин, глядя в окно. Эти деньги не могли исчезнуть. Он повернулся к своим людям. Значит, их забрал тот школьник. Мы знаем только, что он сошёл на станции... Этого достаточно. Хозяин затушил папиросу. Найдите его. Только теперь без шума. Он нужен мне живым. В это же время Саша и Дима даже не подозревали, что стали обладателями огромной суммы. Шестнадцать пачек десятирублёвых купюр. Сто шестьдесят тысяч рублей. По меркам 1968 года это были фантастические деньги. На них можно было купить несколько кооперативных домов или десятки автомобилей. Теперь стало понятно, почему за портфелем охотились такие серьёзные люди. После случая на вокзале мы с Димой словно повзрослели ещё на несколько лет. Теперь нас связывала не только школьная дружба. У нас появилась общая тайна. И общая цель. Мы по-прежнему сидели за одной партой, спорили из-за домашних заданий, ходили вместе в школу и возвращались домой одной дорогой. Со стороны казалось, что ничего не изменилось. Но мы оба понимали: детство закончилось. Каждый вечер после уроков мы уходили в наш старый сарай. Сначала проверяли тайник. Потом долго обсуждали, что делать дальше. Деньги лежали под половицами, завернутые в плотную клеёнку. Мы почти никогда их не доставали. Они не приносили радости. Наоборот, постоянно напоминали об ответственности. Может, пересчитать ещё раз? однажды предложил Дима. Зачем? Чтобы убедиться, что всё на месте. Я усмехнулся. От того, что мы их пересчитываем, больше их не станет. Дима тоже улыбнулся. Это точно. Он вообще сильно изменился за последние месяцы. Раньше все его мысли были о том, как заработать лишний рубль, помочь матери и не дать пьяному брату устроить очередной скандал. Теперь рядом появилась ещё одна забота. Мы всё чаще говорили о будущем. Знаешь, сказал как-то Дима, раньше я думал, что после школы пойду работать на завод. И всё. Теперь хочется чего-то большего. Чего именно? Он пожал плечами. Не знаю. Но не хочу прожить жизнь так, как брат. Я посмотрел на него. Взрослый человек во мне понимал цену этим словам. Очень часто судьба человека меняется не из-за денег и не из-за удачи. Она меняется потому, что рядом однажды оказывается настоящий друг. Именно тогда я впервые подумал, что, возможно, моя главная задача в этой жизни вовсе не спасти Гагарина. Может быть, мне нужно спасти тех людей, которые находятся рядом со мной. Ведь если бы не моё появление, Дима, скорее всего, повторил бы судьбу своего старшего брата. Этой мысли я испугался больше всего. Получается, вторую жизнь дали не только мне. Она понемногу меняла судьбы всех, кто оказался рядом. Субботним утром я, как обычно, шёл за Димой. Мы собирались ехать в Москву. Подойдя к его дому, я уже хотел открыть калитку, но вдруг услышал глухие удары и чью-то ругань. Я замер от страха и прижался к забору. Во дворе шла драка. Осторожно заглянув в щель между досками забора, я увидел Диму. Он дрался сразу с двумя. Одним был его старший брат Володя. Вторым один из его собутыльников. Я невольно отшатнулся. Вмешиваться было страшно. Дима двигался уверенно. Никакой злости. Никакой суеты. Он просто защищался. Пропускал мимо тяжёлые удары взрослых мужиков и короткими, резкими ударами отправлял их в снег. Сначала упал собутыльник. Попытался подняться. Снова получил в грудь и тяжело сел у забора. Через минуту на снег рухнул и Володя. Он тяжело дышал, зачерпывал ладонями снег и прикладывал его к разбитому лицу. Вот же... выругался он. Вырастил братишку на свою голову... Дима тоже тяжело переводил дыхание. Пока мамина пенсия у меня, ни копейки вам не дам! зло бросил он. Хотите выпить идите и заработайте. Ответом стало только недовольное ворчание. Я понял, что драка закончилась, и вошёл во двор. Увидев меня, Дима сразу успокоился. Молча набрал в

ладонь чистого снега, вытер лицо и шею. Я внимательно посмотрел на него. Несколько покрасневших мест. И больше ничего. Как тебе это удаётся? удивился я. Только что такая драка была, а синяков почти нет. Он усмехнулся. Привык. В каком смысле? С детства дерусь. Знаю, как уходить от удара. Да и лицо под кулак лишний раз не подставляю. Он сказал это так спокойно, будто рассказывал, как колоть дрова. Мы молча вышли со двора и направились к станции. Долго никто не произносил ни слова. Потом мне в голову пришла неожиданная мысль. Слушай... А если попросить Володю разобраться с теми мужиками, которые ищут деньги? Дима резко остановился. Посмотрел на меня так, будто впервые не понял. Потом медленно покачал головой. Нет. Почему? Потому что тогда мы станем такими же, как они. Я удивлённо посмотрел на друга. Володя сейчас только начинает выбираться из той жизни. Отец дал ему работу. Он перестал пить. Начал приносить домой деньги. Если снова втянуть его в драки и разборки, всё вернётся обратно. Он немного помолчал. Нет, Сань. Эту кашу заварили мы. Значит, и расхлёбывать будем сами. Я невольно улыбнулся. Ещё несколько месяцев назад Дима вряд ли сказал бы такие слова. Похоже, менялся не только я. Менялись и люди рядом со мной. И именно это вселяло надежду, что вторую жизнь мне подарили не напрасно. В Москву мы приехали уже с чётким планом. За неделю нам удалось узнать, что семнадцатого февраля Юрий Гагарин будет защищать диплом в Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского. Это был едва ли не единственный шанс увидеть его без многотысячной толпы и торжественных мероприятий. Мы готовились к этой поездке несколько дней. Продумали маршрут, время, запасные варианты. Главное не привлекать к себе внимания. Утренний поезд прибыл в Москву около десяти часов. Мы быстро добрались до нужной станции, пересели на городской транспорт и доехали до Белорусского вокзала. Тут Дима наклеил себе кавказские усы и одел кепку аэропорт с портфелем в руке он небрежно сунул таксисту пятерку и сказал в Химки. Когда такси выехала на главную улицу я стоял у дороги. Вот ээ парнишку подвезем произнес Дима с акцентом. Таксист остановился. Дима вытащил из портфеля дубинку и оглушил его и перетащил на заднее сиденье. Я сел за руль и направились к академии. Всю дорогу почти не разговаривали. Каждый мысленно повторял свою роль. Дима должен был наблюдать за входом и предупреждать меня, если появится милиция или кто-нибудь попытается нас задержать. Я собирался сделать самое трудное попытаться поговорить с человеком, которого знала вся страна. Когда мы подъехали к зданию академии, сердце забило быстрее. За воротами уже собирались офицеры, преподаватели и курсанты. Несколько машин одна за другой въезжали во двор. Мы выбрали место неподалёку от проходной. Отсюда хорошо просматривался вход. Оставалось только ждать. Думаешь, получится? тихо спросил Дима. Я долго молчал. Не знаю. Но если мы ничего не сделаем, потом всю жизнь будем жалеть. Мы переглянулись. До появления Гагарина оставались считанные минуты.

Глава 7

Я не знал, когда именно Юрий выйдет из академии и будет ли он один. Но был уверен в одном. Если судьба действительно привела нас сюда, значит, она даст нам шанс. Мы ждали почти час. Наконец калитка открылась. Быстрой походкой, слегка пригнув голову от холодного ветра, к улице направился Юрий Гагарин. Он был один. Остановившись возле машины, он наклонился к открытому окну. Свободно? Мы сделали всё так, как репетировали. Пока он открывал заднюю дверь, Дима резко захлопнул её за ним и натянул на голову плотный матерчатый мешок. Не снимайте его, твёрдо сказал он. Мы не хотим причинить вам вред. Я сразу тронул машину с места. Мы проехали всего несколько кварталов и остановились в безлюдном месте. Несколько секунд в салоне стояла тишина. Потом я тихо сказал: Юрий Алексеевич, вы можете считать нас сумасшедшими. Но другого способа поговорить с вами у нас не было. В ответ раздался спокойный голос: Ребята... Вы хоть понимаете, что делаете? Я глубоко вдохнул. Понимаем. Тогда говорите. Ваш полёт изменил гораздо больше, чем вы думаете. Мы пришли только затем, чтобы предупредить вас. Через несколько недель вам будет угрожать смертель-

ная опасность. Он усмехнулся. Интересная легенда. Вы нам не поверите. Поэтому запомните одну дату. Я медленно произнёс: Двадцать девятое февраля тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. В салоне стало тихо. В этот день произойдёт крупная авиакатастрофа. А что бы вы поверили вот вам вселенская информация четверг 29 февраля 1968 года. Авиалайнер Ил-18Д авиакомпании «Аэрофлот» выполнял плановый внутренний рейс SU-15 по маршруту Москва—Красноярск—Петропавловск-Камчатский, но через 40 минут после вылета из Красноярска рухнул на землю координаты удаление 234 километра, азимут 270°. Из находившихся на его борту 84 человек (75 пассажиров и 9 членов экипажа) выжил 1. Когда вы приедете и поговорите с этим человеком то он откроет вам тайну мироздания. После неё если вы посчитаете допустимым ее совершение вам необходимо связаться с нами по телефону который найдете в кармане. В пятницу вечером позвоните . Тогда вы поймёте, что всё услышанное сегодня не розыгрыш. Гагарин молчал. Я продолжил: Если наше предупреждение окажется ложью, вы больше никогда о нас не услышите. Но если мы окажемся правы... пожалуйста, не отмахивайтесь от нашей помощи вы станете проводником и провидцем. Вы спасете миллионы жизней. Несколько секунд никто не говорил. Потом Юрий Алексеевич негромко спросил: Кто вы такие? Я посмотрел на Диму. И ответил честно: Два человека из вселенной которые очень не хотят, чтобы вы погибли. Мы остановили машину у безлюдной аллеи. Дима открыл дверь. Через пять минут снимете мешок. До этого не оборачивайтесь. Гагарин ничего не ответил. Мы быстро вышли из машины и растворились в московских улицах, не зная, поверил он нам или нет. Доехав до ближайшей станции метро, мы выскочили из машины. Дима быстро сунул в руки ошарашенному таксисту десятирублёвую купюру. За машину. Извини. Мы захлопнули дверь и почти бегом бросились к входу в метро , бросая таксиста с завязанными глазами .Турникеты. Эскалатор. Гул поездов. Через несколько минут нас уже уносил подземный состав, растворяя в многотысячной толпе москвичей. Только теперь я почувствовал, как сильно дрожат руки. Адреналин медленно отпускал. Мы переглянулись. И вдруг одновременно рассмеялись. Потом крепко обнялись. Живы... выдохнул Дима. Пока живы, улыбнулся я. Несколько остановок мы проехали молча. Каждый переваривал случившееся. На следующей станции вышли на поверхность. Морозный воздух сразу привёл в чувство. Неподалёку оказалось кафе-мороженое. Мы вошли внутрь. Заказали по большому пломбиру и по стакану горячего чая. Только усевшись за столик, Дима наконец покачал головой. Представляешь...тихо сказал он. Я только что держал в руках самого Гагарина. Он произнёс это с таким удивлением, будто сам до конца не верил. Я невольно улыбнулся. А я разговаривал с человеком, которого знает весь мир. Мы замолчали. За соседними столиками люди спокойно ели мороженое, смеялись, обсуждали свои дела. Никто даже представить не мог, что всего полчаса назад двое обычных десятиклассников пытались изменить историю. Думаешь, он поверил? наконец спросил Дима. Я задумался. Пока нет. Тогда зачем всё это? Я посмотрел в окно, где медленно падал снег. Потому что двадцать девятого февраля он вспомнит каждое наше слово. Дима улыбнулся. А если всё получится? Тогда, может быть, в марте весь мир проснётся уже в другой истории. Мы молча подняли стаканчики с горячим чаем. За Юру. За новую жизнь. Стаканчики тихо стукнулись друг о друга. Мы ещё не знали, что самое трудное испытание ждёт нас впереди.

Глава 8

Мимо нашего столика прошла высокая стройная девушка в тёмном пальто. Она поправила выбившуюся из-под платка прядь волос и, улыбнувшись своей подруге, вышла на улицу. Я невольно проводил её взглядом. Слушай, Дим... Что? А как вообще с девушками знакомятся? Он удивлённо посмотрел на меня. Потом усмехнулся. Ты чего? У тебя что, девчонок никогда не было? Я задумался. Сознание Саши тут же подсказало честный ответ. Он даже ни разу не целовался. Да и девчонок скорее стеснялся, чем интересовался ими. Но и моё, взрослое сознание, неожиданно промолчало. Последние годы перед смертью прошли в больницах, работе и бесконечных заботах. Если задуматься, я уже много лет не смотрел на женщин просто как

мужчина. Получалось, вопрос был одинаково сложным для нас обоих. Я улыбнулся. Можно сказать, что не было. Дима рассмеялся. Ну ты даёшь. Потом сам задумался. Мы переглянулись. И одновременно поняли, что за всё время нашей дружбы ни разу не говорили о девушках. До той драки мы были просто одноклассниками. Настоящими друзьями стали совсем недавно. А ты-то много знаешь? спросил я. Он почесал затылок. Если честно... тоже немного. Мы оба рассмеялись. После паузы Дима сказал: Помнишь Наташку, которая прошлой весной школу закончила? Смутно. Про неё всякие разговоры ходят. Одни говорят, что она уже со взрослыми парнями встречается, другие что половину посёлка с ума свела. Только знаешь... Он пожал плечами. Мне кажется, люди любят придумывать лишнее. Я внимательно посмотрел на него. Значит, ты и сам не веришь этим разговорам? Не знаю. Просто не хочу судить человека по сплетням. Я кивнул. Правильно. Потом, улыбнувшись, сказал: Значит, будем учиться сами. Чему? Общаться с девушками. Дима громко рассмеялся. Ну тогда нам обоим придётся начинать с нуля. Мы допили чай, доели подтаявшее мороженое и вышли на улицу. Впереди нас ждал не только разговор с Гагариным и тайна огромных денег. Впереди была самая обычная юность, которой ни один из нас толком ещё не успел пожить. Домой мы возвращались вечерним пригородным поездом. Всю дорогу почти не разговаривали. Каждый думал о своём. Перед глазами всё ещё стояло лицо Гагарина, его спокойный голос и тот момент, когда мы оставили его одного посреди пустынной улицы. До нашей станции доехали без происшествий. Медленно шли по заснеженной улице к дому. Вдруг впереди показались милицейские УАЗики. Возле одного из домов уже собралась целая толпа. Любопытство пересилило усталость. Мы подошли ближе. Проходите, граждане! Не задерживайтесь! строго прикрикнул милиционер, оттесняя людей от калитки. Я поднял глаза. И сердце словно остановилось. Это был тот самый дом. Именно сюда я проводил пожилую женщину после поезда. Именно здесь она напоила меня водой и горячим чаем, пока двое подозрительных мужчин ждали на улице. Я почувствовал, как по спине пробежал холод. Неужели... Неужели они решили, что я живу здесь? Дима заметил, как изменилось моё лицо. Ты чего? Я молча кивнул в сторону дома. Помнишь, я рассказывал про женщину, которой помог донести сумки? Да. Это её дом... Дима ничего не ответил. Мы переглянулись. Внутри стало тревожно. Минут через десять кто-то из соседей, понизив голос, рассказал собравшимся: Ночью на Кривцовых напали бандиты. Господи... Хозяина тяжело ранили. А хозяйка? Жива. Соседи милицию вызвали. По толпе прошёл гул. Говорят, троих преступников задержали. А четвёртый успел скрыться на машине. Я стоял неподвижно. Слова соседей звучали всё тише. В голове крутилась только одна мысль. Если бы в тот вечер я не попросил воды... Если бы не зашёл в этот дом... Возможно, ничего этого не произошло бы. Дима тихо положил руку мне на плечо. Не вини себя. Я молча покачал головой. Но чувство вины уже пустило корни. И впервые с того дня, как я оказался в прошлом, я понял: любое моё решение может изменить не только историю страны, но и судьбы совершенно незнакомых людей.

Глава 9

Сегодня же выходной, загадочно сказал Дима, когда мы отошли от дома Кривцовых. Я вопросительно посмотрел на него. Ну что, сходим к Наташке? Я даже остановился. После всего пережитого предложение показалось неожиданным. Но любопытство оказалось сильнее. Мне вдруг захотелось хоть ненадолго забыть о деньгах, бандитах и Гагарине. Просто побыть обычным семнадцатилетним парнем. Пойдём, согласился я. По дороге мы зашли в универмаг. Долго выбирали, что купить к чаю. В итоге остановились на небольшом торте. С пустыми руками к девушке не ходят, важно заметил Дима. Я только усмехнулся. Дом Наташи стоял на самом краю посёлка. Старый, бревенчатый, с резными наличниками и высоким деревянным крыльцом. Из трубы лениво поднимался дым. Когда мы вошли, в доме пахло тёплой печкой, свежим хлебом и крепким чаем. Наташа сидела за столом с пустой бутылкой и большим гранёным стаканом. Увидев Диму, она улыбнулась. Потом перевела взгляд на меня. Здравствуйте. Привет, Наташ.

Дима поставил коробку на стол. Торт будешь? Она удивлённо посмотрела сначала на коробку, потом на нас. Конечно. Дима открыл крышку. Наташа рассмеялась. Богато живёте. Это не я, кивнул он в мою сторону. Это Саня угощает. Я слегка смутился. Решили вот в гости зайти. Она нарезала торт и поставила чайник на стол. Мы разговорились. Оказалось, Наташа совсем не похожа на ту девушку, о которой ходили деревенские сплетни. Весёлая. Открытая. Любила читать книги и мечтала после школы поступить в педагогический институт. Через полчаса Дима неожиданно хлопнул ладонью по столу. Наташка, у меня к тебе просьба. Какая? Научи этого оболтуса танцевать вальс. Она посмотрела на меня. Потом не выдержала и звонко рассмеялась. Он что, совсем не умеет? Представь себе. Я только развёл руками. Не умею. Тогда вставай. Она подошла ко мне и протянула руки. Левую сюда... правую вот так. Не бойся. Я осторожно обнял её за талию. Она улыбнулась. Теперь считаем. Раз... два... три... Мы сделали первый круг. Потом второй. На третьем я запутался в собственных ногах. Наступил ей на тапочек. Попытался удержаться. Но вместо этого потянул Наташу за собой. Мы оба рухнули на старый половик. На секунду в комнате стало тихо. Потом Наташа звонко рассмеялась. Я тоже не выдержал. Дима, держась за живот, хохотал громче всех. Поднявшись, мы стали стряхивать друг с друга пыль. Ученика тебе ещё воспитывать и воспитывать, сквозь смех сказала Наташа. Я посмотрел на неё и неожиданно поймал себя на мысли, что впервые за очень долгое время смеюсь совершенно искренне. Без страха. Без тревоги. Без мыслей о будущем. Просто потому, что мне было хорошо. Дима, всё ещё смеясь, вдруг посмотрел на Наташу и хитро прищурился. А ещё он целоваться не умеет. Я вспыхнул. Димка! Наташа перевела взгляд с него на меня. В её глазах плясали смешинки. Правда? Я хотел что-нибудь возразить, но слова застряли в горле. Она подошла совсем близко. Ничего, сказала она тихо. Это тоже можно исправить. Она осторожно положила ладони мне на плечи. Только не зажимайся. Я стоял как вкопанный. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, его слышали все в комнате. Наташа улыбнулась. Потом легко коснулась губами моих губ. Поцелуй длился всего мгновение. Она тут же отступила на шаг. Вот и всё, весело сказала она. Теперь ты умеешь. Я стоял совершенно растерянный. Сознание Саши готово было провалиться сквозь землю от смущения. А во мне, прожившем долгую жизнь, вдруг проснулось давно забытое чувство. Не страсть. Не влюблённость. А чистая, светлая радость первой юности. Она тихонько потянула меня за ширму. И прижав к стене расстегнула мне ширинку. Да если бы я был зеленым юнцом все произошло бы по ее сценарию. Но я умудренный жизнью старец. Приобняв ее я опрокинул ее на кровать. Она удивленно ойкнула. под халатом у нее не было одежды. Я неспеша разделся. Раз мне предоставили тело то не куда спешить. Я рассматривал ее тело и нежно ласкал. Вспоминая былую жизнь в которой у меня была всего одна женщина кроме жены. Передо мной было тело молодой девушки. Во всей ее красе. И мой возбуждённый мозг и не целованное тело юноши быстро спровоцировали извержение. Но Наташа все же успела получить оргазм и сдувая упрямую прядь со лба произнесла молодой да ранний. Мы вышли из за ширмы обнявшись. Дима хлопнул меня по плечу и громко расхохотался. Ну что, герой? Живой? Я медленно провёл ладонью по губам. Кажется... да. Наташа тоже засмеялась. Только не думай, что теперь ты великий сердцеед. До настоящего кавалера тебе ещё далеко. Мы снова расселись за столом. Чай уже успел немного остыть. Разговор незаметно перешёл на город, музыку и предстоящую весну. И я вдруг поймал себя на мысли, что впервые после своего невероятного возвращения в прошлое чувствую себя не стариком в теле подростка, а просто семнадцатилетним парнем, у которого впереди целая жизнь.

Глава 10

Домой мы возвращались уже в сумерках. Снег тихо поскрипывал под валенками. Я всё ещё молчал. Ну что? наконец не выдержал Дима. Язык проглотил? Отстань. Понравилось? Я посмотрел на него исподлобья. Очень смешно. Он громко рассмеялся. Зато теперь не будешь краснеть при виде каждой девчонки. Я хотел что-то ответить, но неожиданно улыбнулся сам. Спасибо. Дима даже остановился. За что? За сегодняшний день. Он пожал плечами. Да ладно...

Несколько минут мы шли молча. Потом он неожиданно сказал: Знаешь, Сань... ты сильно изменился. В каком смысле? Раньше всё время чего-то боялся. Лишний раз слово сказать стеснялся. А сейчас... будто старше стал. Я усмехнулся. Может, просто взрослею. Может. Дима не стал больше расспрашивать. Он давно заметил, что после той драки со старшим братом я стал другим. Но настоящую причину знал только я. Возле моего дома мы попросились. Мама встретила меня привычным вопросом: в Москве с Димой был? Да. Есть хочешь? Очень. За ужином отец рассказывал о заводе. Сестра жаловалась на учительницу литературы. Я слушал их разговоры и ловил себя на мысли, что именно этого мне так не хватало в прошлой жизни. Обычного семейного вечера. Без телефонов. Без телевизора. Без спешки. После ужина я ушел к себе. Достал из кармана небольшой листок бумаги. На нём были записаны даты. **29 февраля** авиакатастрофа. **27 марта** гибель Гагарина. Я долго смотрел на эти строки. Между ними был всего месяц. Один месяц. Тридцать дней, за которые нужно убедить человека изменить свою судьбу. Я закрыл глаза. Передо мной снова возникло лицо Юрия Алексеевича. Спокойное. Уверенное. Он наверняка уже рассказал о нашем странном нападении тем, кому положено. Интересно... Запомнил ли он мои слова? Или решил, что встретился с двумя сумасшедшими школьниками? Ответ должен был появиться совсем скоро. Я аккуратно спрятал листок обратно в учебник по алгебре. Именно туда, где никто никогда не станет искать. За окном тихо кружился снег. Февраль подходил к концу. До первой проверки наших слов оставалось всего несколько дней. И почему-то именно сейчас я почувствовал настоящее волнение. Не за себя. За человека, которому весь мир доверил мечту о космосе. Если он не поверит... Второго шанса уже не будет. Снова начались школьные будни. За последние недели я неожиданно для самого себя втянулся в учёбу. Домашние задания больше не казались скучной обязанностью. Наоборот, мне было интересно проверить, насколько легко взрослый мозг справится со школьной программой. На уроке математики учительница вызвала меня к доске. Я быстро решил задачу, объяснил ход решения и вернулся на своё место. Она посмотрела на журнал, потом на меня и улыбнулась. Вот видите, ребята. Можете же, когда захотите. Весь класс повернулся в мою сторону. Все ваши тройки не от неспособности, продолжила она. А от обыкновенной лени. Стоит только взяться за ум и результат совсем другой. В журнале появилась первая честно заработанная четвёрка. Почему-то эта оценка обрадовала меня не меньше, чем когда-то институтский диплом. На остальных уроках тоже всё складывалось удачно. Учителя всё чаще хвалили меня, а одноклассники начали удивлённо переглядываться. После звонка Дима сразу заторопился домой. Мамке опять плохо, виновато сказал он. Сегодня не получится никуда сходить. Иди. Если что понадобится скажешь. Он кивнул и быстро ушёл. Я тоже собирался домой. Но стоило выйти за школьные ворота, как в памяти всплыл вчерашний вечер. Смех. Танец. И тот самый неловкий первый поцелуй. Я невольно улыбнулся. Сам не заметил, как ноги понесли меня совсем в другую сторону. Через несколько минут я уже стоял у знакомой калитки. Постучал. Дверь открылась почти сразу. Наташа посмотрела на меня и улыбнулась. Я почему-то так и думала, что ты придёшь. Правда? Правда. Она отступила в сторону. Заходи. В доме было тепло. Печь тихо потрескивала, наполняя комнату запахом берёзовых дров. Ну что? с улыбкой спросила Наташа. Опять танцевать пришёл? Я засмеялся. Пришёл исправлять ошибки. Смелый стал. Есть немного. Она включила маленький радиоприёмник. Из динамика тихо зазвучала музыка. Наташа подошла ко мне и протянула руки. Я осторожно обнял её за талию. На этот раз уже не так неуклюже, как вчера. Раз... два... три... тихо считала она. Мы медленно закружились по комнате. Я уже не смотрел себе под ноги. Я смотрел ей в глаза. Вот видишь, улыбнулась Наташа. Не так уж это и трудно. Наверное... Что "наверное"? Когда хороший учитель. Она тихо рассмеялась. Подлиза. Мы сделали ещё один круг. На этот раз я ни разу не наступил ей на ногу. Прогресс, одобрительно сказала она. Значит, есть надежда? Есть. Она ненадолго замолчала. Потом вдруг спросила: Саш, а что с тобой произошло этой зимой? В каком смысле? Ты стал совсем другим. Я почувствовал, как внутри всё сжалось. Почему ты так решила? Раньше слова

из тебя не вытянешь. А теперь разговариваешь так... будто прожил целую жизнь. Я невольно отвёл взгляд. Если бы она только знала, насколько близка к истине... Но я не стал ни чего объяснять взял ее на руки понес на постель. Она была нежна и молода. Я уже не помнил когда обладал таким молодым телом. Поэтому восхищался каждой ее ложбинкой приводя ее в смущение и залиvistый смех. Мы еще долго лежали обнявшись и лаская друг друга. После танцев Наташа виновато улыбнулась. Извини, что не приглашаю тебя к чаю. Почему? Она отвела глаза. Да чаю почти не осталось... И дров тоже. До зарплаты мамы ещё несколько дней. Сказала она это спокойно, без жалоб. Будто так и должно быть. Но мне почему-то стало неловко. Всю дорогу домой её слова не выходили у меня из головы. В нашей семье тоже жили небогато. Но чтобы в доме не было ни чая, ни дров... Такого я не помнил. Дома я помог отцу убрать во дворе, принёс воды, покормил кур. Когда все разошлись по своим делам, тихонько поднялся на чердак. Из кладовки взял небольшой шматок солёного сала, каравай хлеба и пачку индийского чая, которую мама берегла к празднику. Во дворе сложил на санки хорошую вязанку берёзовых дров. Огляделся. Никто не видел. Взялся за верёвку и потащил санки по скрипучему снегу. До дома Наташи было недалеко. Я уже собирался постучать, как дверь открылась сама. Она выглянула на улицу и сначала посмотрела на меня. Потом перевела взгляд на санки. Несколько секунд молчала. А потом звонко рассмеялась. Ой... Жених пришёл! Я почувствовал, как уши мгновенно стали горячими. Какой ещё жених... А кто же? продолжала смеяться Наташа. Смотри-ка... И хлеб привёз, и сало, и дрова. Осталось только кольцо достать. Я окончательно смутился. Да перестань ты... Она подошла ближе. Смех постепенно исчез. Саш... Что? Спасибо. Она произнесла это уже совсем другим голосом. Тихо. И очень искренне. Только зря ты всё это... Не зря. Я кивнул на поленницу у стены. Дом без дров зимой плохое дело. Наташа долго смотрела на меня. Потом неожиданно сказала: Знаешь... Мне кажется, ты опять изменился. Почему? Потому что мальчишки в семнадцать лет обычно приносят девочкам конфеты. Она улыбнулась. А ты привёз то, без чего действительно трудно жить. Я не нашёлся что ответить. Наверное, во мне сейчас говорил не семнадцатилетний Саша. А человек, который слишком хорошо знал цену простым вещам тёплой печке, куску хлеба и чашке горячего чая холодным зимним вечером.

Глава 11

Последний день февраля наконец настал. Двадцать девятое число. Тот самый день, который бывает лишь раз в четыре года. С самого утра меня не покидало волнение. Если всё, что я помнил из прошлой жизни, правда, то именно сегодня должна произойти авиакатастрофа. Но узнать об этом было практически невозможно. Мы жили в Советском Союзе. О подобных трагедиях по радио не сообщали, а газеты если и писали, то спустя много дней и очень скупо. Поэтому в пятницу после школы мы снова поехали в Москву. Заранее купили в магазине полевой бинокль и заняли наблюдательный пункт неподалёку от телефонной будки. Именно этот телефонный автомат мы указали Гагарину. Неделю назад я нашёл местного мальчишку лет десяти и за рубль попросил его выполнить простое поручение. Ровно в пять часов вечера подойдешь к телефону. Если он зазвонит, снимешь трубку и скажешь только одну фразу: «Хорошо. Перезвоните завтра». И сразу уходи. Мальчишка согласился, даже не задавая лишних вопросов. Теперь оставалось только ждать. Минуты тянулись мучительно долго. Я всё время смотрел то на часы, то на телефонную будку. Дима молчал. Даже он, обычно спокойный, заметно нервничал. Без пяти пять на улице появился наш гонец. Он неторопливо подошёл к будке и остановился. Я крепче сжал бинокль. Начинается... тихо сказал Дима. Мальчишка вошёл внутрь. Через стекло было видно, как он поднял телефонную трубку. Мы не слышали разговора. Но хорошо видели, что он несколько секунд внимательно слушал. Потом коротко кивнул и произнёс заранее выученную фразу: Хорошо. Перезвоните завтра. Он аккуратно положил трубку и спокойно вышел из будки. Не оглядываясь, пошёл вниз по улице. Я ещё несколько минут не отрывал глаз от телефона. Никто не появился. Никакой слежки. Ника-

ких машин. Никаких людей в штатском. Будка так и осталась стоять пустой. Я медленно опустил бинокль. Получилось... прошептал я. Дима облегчённо выдохнул. Значит, он поверил. Я покачал головой. Нет. Тогда зачем он позвонил? Я улыбнулся. Потому что сегодня произошло именно то, о чём мы ему сказали. Теперь он знает: мы не сумасшедшие. И если мы предупредим его о чём-то ещё... Значит, у него есть все основания прислушаться. Впервые за долгое время я почувствовал, что судьба начала играть на нашей стороне. До марта оставались считанные недели. И теперь у нас появился настоящий шанс изменить историю. Домой мы вернулись вечерним поездом. По дороге зашли в магазин и купили Наташе самое необходимое: буханку хлеба, крупу, немного сахара, пачку чая и несколько банок рыбных консервов. Теперь можно и в гости, улыбнулся Дима. Когда мы вошли в дом, в печи уже потрескивали дрова. На плите весело кипел чайник. Наташа хлопотала у стола. Ну вот, улыбнулась она. Теперь хоть гостей не стыдно принимать. Мы вместе накрывали на стол, смеялись, вспоминали школу. И вдруг дверь с грохотом распахнулась. В избу, шатаясь, вошли двое пьяных мужиков. От них резко пахло самогоном. Наташа побледнела. Ложка так и застыла в её руке. Я невольно вжался в лавку. Старое сознание понимало, что пьяный человек страшнее любого трезвого. А память Саши и вовсе подсказывала одно слово: «Беги». Дима даже не поднялся сразу. Только усмехнулся. В его глазах появился знакомый холодный блеск. Чего вам надо? спокойно спросил он. Мужики мутным взглядом посмотрели сначала на Наташу, потом на нас. Увидев двух школьников, громко расхохотались. А ну, пацаны... домой... спать... заплетающимся языком пробормотал один. Он даже не успел договорить. Дима одним движением вскочил. Схватил ближайшего за воротник и с такой силой толкнул к двери, что тот, споткнувшись о порог, кубарем вылетел на крыльцо. Второй бросился вперёд. Но Дима уже встретил его коротким ударом в живот. Мужик согнулся. Следом получил локтем в подбородок и тоже оказался за дверью. Дима вышел следом. На улице сразу послышалась возня. Глухие удары. Ругательства. Хруст снега под ногами. Я сидел, словно прирос к лавке. Хотел выйти. Помочь. Но ноги не слушались. Страх оказался сильнее. Наташа молча подошла к двери и приоткрыла её. Я тоже осторожно выглянул. Во дворе, освещённом одиноким фонарём, Дима уверенно отбивался сразу от двоих. Он двигался быстро и экономно. Без лишней злости. Каждый его удар был точным. Через минуту один из мужиков уже сидел в сугробе, держась за разбитый нос. Второй попытался подняться, но, увидев приближающегося Диму, только замахал руками. Всё... всё... уходим... Они, пошатываясь, скрылись за калиткой. Дима ещё несколько секунд смотрел им вслед. Потом спокойно стряхнул снег с рукавов и вернулся в дом. Будто всего лишь вынес мусор. Ну что, сказал он, улыбнувшись Наташе. Чай ещё не остыл? Я смотрел на него с восхищением. Только сейчас до меня дошло, что рядом со мной находится не просто школьник. А человек, который уже слишком рано научился отвечать за себя и за тех, кто оказался рядом.

Глава 12

Дима сел за стол так спокойно, словно ничего не произошло. Только костяшки пальцев покраснели и на рукаве телогрейки появилась небольшая прореха.

Наташа молча поставила перед ним кружку с горячим чаем. Спасибо... тихо сказала она. За что. Если бы не вы... Она не договорила. Дима махнул рукой. Да брось. Больше они сюда не придут. Почему ты так уверен? Он усмехнулся. Потому что такие люди смелые только тогда, когда видят перед собой слабого. А когда сами получают по зубам, сразу становятся тихими. Я всё ещё не мог прийти в себя. В прошлой жизни я не раз видел драки. Но всегда по телевизору или в кино. Здесь всё было по-настоящему. Страх. Кровь. Хруст снега под ногами. И человек, который без раздумий бросается защищать других. Мы молча пили чай. Наташа нарезала принесённый нами хлеб и тонкими ломтиками сало. Никогда не думала, что буду так радоваться обычному чаю, улыбнулась она. Это потому, что хороший чай в хорошей компании всегда вкуснее, сказал я. Она посмотрела на меня с улыбкой. Опять ты разговариваешь как взрослый. Дима тихо рассмеялся. Я же говорил, он после драки совсем другим стал. Я поспешил перевер-

сти разговор. Наташ, а кем ты хочешь стать? Она задумалась. Учительницей. Почему? Люблю детей. Да и работа спокойная. А замуж? Она засмеялась. Вот ещё! Мне сначала выучиться надо. Дима хитро посмотрел на меня. Слышал? Слышал. Значит, у тебя ещё есть время. Я бросил в него хлебный мякиш. Он ловко поймал его и, смеясь, отправил в рот. В доме снова стало тепло и спокойно. Будто и не было только что никакой драки. Когда мы собрались уходить, Наташа неожиданно остановила меня у двери. Саш... Да? Она быстро оглянулась на Диму, который уже вышел во двор. Потом тихо сказала: Спасибо тебе. За продукты? Она покачала головой. За то, что ты пришёл. Не знаю почему... но рядом с тобой мне спокойно. Я растерялся. Эти слова тронули меня сильнее любого поцелуя. Ведь говорил их человек, который ничего обо мне не знал. Не знал, что в душе я давно уже не мальчишка. Не знал, сколько ошибок осталось в моей прошлой жизни. Я осторожно сжал её ладонь. Теперь ты не одна. Если что-нибудь случится, сразу зови нас. Она кивнула. Мы вышли на улицу. Мороз заметно усилился. Снег тихо поскрипывал под ногами. Когда отошли от дома, Дима вдруг спросил: Ты ведь влюбился? Я улыбнулся. Не знаю. Зато я знаю. Я вопросительно посмотрел на него. Ты впервые смотришь не в прошлое, а в будущее. И знаешь... Мне кажется, именно ради этого тебе и дали вторую жизнь. Я ничего не ответил. Потому что в глубине души понимал: он, возможно, прав. До спасения Гагарина оставалось меньше месяца. Но впервые с момента моего появления в этом времени мне захотелось изменить не только историю страны. Мне захотелось построить собственную жизнь. Придя домой, я застал отца за вечерней газетой. Он снял очки и удивлённо посмотрел на меня. Что-то случилось? Я сел напротив. Мысль, которая крутилась у меня в голове всю дорогу, наконец оформилась. Пап, можно вопрос? Давай. Ваш завод построил для рабочих хороший спортивный зал? Построил. А кто туда ходит? Отец пожал плечами. Борцы иногда занимаются. Волейболисты по выходным. Да и всё, наверное. А в остальное время? Пустует. Я внимательно посмотрел на него. Тогда объясни мне одну вещь. Он отложил газету. Какую? Почему вы, взрослые, построили спортивный комплекс для рабочих, а мы, ваши будущие рабочие, не можем там заниматься? Отец нахмурился. Это заводской объект. Но ведь после школы он пустует. Бывает. Значит, государство потратило огромные деньги, а помещение большую часть времени простаивает. Отец задумался. Я продолжил: У нас в посёлке полно мальчишек. Кто-то хочет заниматься борьбой, кто-то тяжёлой атлетикой, кто-то гимнастикой. Но идти некуда. Для этого есть школа. В школе обычный спортзал. А у вас настоящий комплекс: штанги, кольца, брусья, душевые. Отец молчал. Я видел, что мои слова заставили его задуматься. Получается странно, сказал я. Мы будущее вашего завода. Через несколько лет придём работать в ваши цеха. Но пока растём, вы не даёте нам возможности стать сильнее и здоровее. Он медленно снял очки. Никогда не смотрел на это с такой стороны. Потому что никто не задавал этот вопрос. Отец улыбнулся. А ты сегодня прямо как секретарь райкома выступаешь. Я тоже улыбнулся. Нет. Просто жалко смотреть, как хороший спортзал закрыт на замок. Несколько секунд в комнате было тихо. Потом отец решительно встал. Знаешь... Что? А ведь мысль правильная. Он прошёлся по комнате. Начальник цеха меня уважает. Директор тоже человек разумный. Попробую поговорить с профкомом. О чём? Чтобы после работы открыть зал для школьников. Хотя бы несколько вечеров в неделю. Я почувствовал, как внутри всё дрогнуло. Ещё одно маленькое изменение. Ещё один шанс сделать этот мир немного лучше. Отец хлопнул меня по плечу. Только учти, если получится, первым пойдёшь заниматься ты. С удовольствием. И Димку своего приводи. Такого парня грех не показать тренеру. Я улыбнулся. Эта идея родилась случайно. Но почему-то мне казалось, что именно с таких небольших решений и начинаются большие перемены. Но в тот вечер я понял главное. Моя главная сила бездействует. Я знаю будущее. Знаю, какие события изменят страну. Знаю, где можно выиграть время. Но что толку от этих знаний, если за моей спиной никого нет? Один человек не способен изменить историю. Два человека тоже. Даже такой парень, как Дима, может решить только одну драку. А впереди меня ждали совсем другие сражения. Я долго лежал без сна. Если я

не создам команду... Если не выращу людей, которые будут верить мне... Меня просто похоронят под обломками собственных замыслов. В голове неожиданно вспыхнула мысль. Комсомол. Вот она настоящая движущая сила молодёжи. Тысячи активных ребят. Организация, которая умеет объединять людей. Школа уже была упущена. Я не староста. Не отличник. Не секретарь комсомольской организации. Начинать нужно выше. Но наступила суббота. Именно этот день мы выбрали как точку отсчёта нашей новой жизни. Если до сих пор мы только тратили деньги, то теперь должны были начать создавать своё будущее. Рано утром мы с Димой сели на электричку и поехали в Москву. Первым делом отправились на рынок. В шестидесятые годы хорошие вещи были настоящим дефицитом. В магазинах висели одинаковые костюмы, сатиновые брюки и бесконечные фуфайки. А вот настоящие джинсы считались почти легендой. Их привозили моряки, дипломаты, иностранные студенты или перекупщики. Такие вещи продавались только с рук. Мы долго ходили между рядами. Продавцы негромко переговаривались с покупателями. Импорт... Финские куртки... Чехословацкие ботинки... Настоящая Америка... Возле одного из рядов стоял худощавый мужчина в кожаном пальто. Из-под полы он осторожно показывал свёртки. Парни, джинсы нужны? Мы с Димой переглянулись. Какие? Он быстро огляделся по сторонам. Настоящие. Американские. Он развернул плотную синюю ткань. Я сразу понял, что передо мной вовсе не американские джинсы. Скорее всего, югославские или польские. Но сшиты они были отлично. Для любого советского парня это была мечта. Почём? Продавец назвал цену. Я едва не присвистнул. За такие деньги можно было купить несколько пар обычных брюк. Дима спокойно посмотрел на него. Дорого. Так импорт. Импорт импортом, а швы кривые. Мужчина удивлённо посмотрел на Диму. Тот уже крутил джинсы в руках. Здесь нитка торчит. Карман косо пришит. И молния не американская. Продавец нахмурился. Разбираешься? Немного. На самом деле Дима просто уверенно блефовал. Я едва сдерживал улыбку. Ладно, вздохнул торговец. Сколько дашь? Дима назвал сумму почти на треть меньше. Да ты смеёшься! Не нравится мы дальше пойдём. Мы действительно сделали несколько шагов. Эй, парни! Мы обернулись. Возвращайтесь. Через пять минут мы уже держали в руках две пары почти одинаковых тёмно-синих джинсов. Продавец аккуратно завернул их в плотную бумагу. Носите. Только в школе сильно не хвастайтесь. Я улыбнулся. Почему? Он усмехнулся. Потому что завтра весь класс захочет такие же. Мы вышли с рынка довольные. Видал? довольно сказал Дима. Что? Торговаться надо уметь. Я рассмеялся. Где научился? С братом на рынке всё лето работал. Не научишься без последних штанов останешься. Мы свернули в тихий переулок. Я достал джинсы из свёртка. Плотная синяя ткань. Медные заклёпки. Крепкие двойные швы. В моей прошлой жизни такими вещами никого нельзя было удивить. А сейчас они были символом достатка, уверенности и какой-то особой свободы. Надев их, мы словно перестали быть обычными деревенскими школьниками. Впереди нас ждали совсем другие дела.

Глава 13

Наступило первое субботнее марта. День, которого мы ждали больше месяца. Именно сегодня, если Юрий Гагарин поверил хотя бы части наших слов, он должен был позвонить по номеру телефона, который мы оставили ему в такси. С самого утра мы с Димой были словно на иголках. Накануне удалось договориться с хозяином небольшой мастерской, возле которой стоял телефонный аппарат. За небольшую плату он согласился на несколько часов оставить нас одних в своём кабинете. Только не балуйтесь, предупредил он. Телефон служебный. Мы пообещали вести себя тихо. Часы на стене медленно отсчитывали минуты. Каждый скрип двери заставлял меня вздрагивать. Дима ходил из угла в угол. Позвонит? Не знаю. А если нет? Значит, будем искать другой способ. Он остановился возле окна. Сань... Что? Мне почему-то страшнее сейчас, чем когда мы его похищали. Я усмехнулся. Мне тоже. Стрелка часов приблизилась к полудню. И вдруг... Телефон резко зазвонил. Мы с Димой одновременно посмотрели друг на друга. Несколько секунд никто не решался снять трубку. Наконец я глубоко вдохнул и ответил: Слушаю. В трубке было слышно только ровное дыхание. Потом раздался знакомый спокойный

голос. Это... те самые путешественники? Я невольно улыбнулся. Да, Юрий Алексеевич. На другом конце провода повисла тишина. Значит... всё, что вы говорили... оказалось правдой. Вы убедились? Сегодня утром мне сообщили о катастрофе под Красноярском. Я закрыл глаза. Первое испытание было пройдено. Гагарин поверил. Теперь я готов вас выслушать, тихо произнёс он. Я переглянулся с Димой. Мы оба понимали: С этой минуты наша игра закончилась. Начался настоящий разговор, от которого зависела жизнь первого космонавта Земли. Тогда слушайте внимательно, Юрий Алексеевич, сказал я. У нас очень мало времени, а разговор пойдёт о вашем будущем. В трубке снова стало тихо. Он не перебивал. Он слушал. И это означало, что впервые за всё время у нас появился настоящий шанс изменить историю. Юрий Гагарин долго не мог прийти в себя. После нашего странного похищения он снова и снова прокручивал в памяти каждое слово. Любой здравомыслящий человек решил бы, что это был розыгрыш или выходка сумасшедших. Он тоже пытался так думать. Но наступило двадцать девятое февраля. И произошло именно то, о чём его предупредили. Теперь сомнения сменились другой, куда более тяжёлой мыслью. Всю жизнь он привык рисковать собой. Лётчик-испытатель. Военный. Первый человек, шагнувший в космос. Каждый полёт мог стать последним. Но это был его собственный выбор. Теперь всё изменилось. Если поверить неизвестным мальчишкам и попытаться предотвратить катастрофу, он неизбежно вмешается в судьбу десятков людей. Если настоять на отмене рейса, а катастрофы не случится, он станет посмешищем, а может быть, и закончит карьеру. Если промолчит, а самолёт действительно погибнет... Он будет знать, что мог попытаться спасти людей. Эта мысль оказалась страшнее любого космического полёта. Перед ним лежала не его собственная жизнь. На чаше весов оказались судьбы восьмидесяти человек. Гагарин привык принимать решения за секунды. Но сейчас впервые почувствовал себя бессильным. Как объяснить начальству, что самолёт нельзя выпускать в рейс? Сказать, что его предупредили неизвестные люди? Что они назвали точную дату трагедии? Ему никто не поверит. Наоборот, начнут задавать вопросы. Кто эти люди? Откуда у них такая информация? Почему они вышли именно на него? Он понимал, что любое необдуманное слово может погубить не только его самого, но и тех двоих подростков, которые почему-то решили доверить ему свою тайну. Впервые после полёта в космос Юрий Гагарин почувствовал не страх. Он почувствовал груз ответственности, который невозможно было разделить ни с кем. Ведь героем быть легче, чем человеком, которому предлагают изменить ход истории. И именно поэтому он всё-таки набрал указанный номер телефона. Не потому, что безоговорочно поверил. А потому, что после двадцать девятого февраля уже не имел права не выслушать тех, кто однажды оказался прав. Поэтому, когда Юрий Гагарин набрал указанный номер телефона и услышал спокойный голос: Перезвоните через десять минут по другому номеру. Он не стал задавать вопросов. Молча положил трубку. Через десять минут телефон зазвонил уже в другом месте. Я снял трубку. Несколько секунд мы молчали. Потом я произнёс: Юрий Алексеевич, прежде всего запомните одну вещь. Вы не виноваты в смерти людей, которых не могли спасти. В трубке было тихо. Вы не Бог, продолжил я. И не можете изменить судьбу каждого человека. Но у вас есть возможность спасти тех, на кого мы вам укажем. Кто вы такие? впервые спросил Гагарин. Я проигнорировал вопрос. Теперь вы убедились, что наши предупреждения не выдумка. Поэтому отныне вам придётся принимать решения, которые другим покажутся странными. Иногда вас не поймут. Иногда будут смеяться. Но если вы будете настойчивы, многие останутся живы. Он тяжело вздохнул. Что вы хотите от меня? Чтобы вы стали нашим союзником. Не исполнителем. Именно человеком, который сможет убеждать других прислушиваться к опасности. После короткой паузы я продолжил: Запишите. Я услышал, как щёлкнула авторучка. В ближайшее время произойдёт гибель советской подводной лодки. Погибнет весь экипаж девятью человек. Несколько секунд в трубке слышалось только его дыхание. Что я должен сделать? Сделать всё возможное, чтобы ваше предупреждение услышали. Даже если вам не поверят. Даже если потом будут считать вас странным. Спасайте людей, а не свою репутацию.

Он долго молчал. Потом тихо спросил: А если меня спросят, откуда я это знаю? Я посмотрел на Диму. Тот молча кивнул. Скажите правду настолько, насколько сможете. После полёта в космос вам начали сниться необычные сны. Настолько яркие, что вы не можете их забыть. Во сне вы видите события, которые потом происходят наяву. Вы сами не понимаете, как это возможно, но совесть не позволяет вам молчать. Это не будет доказательством. Но людям будет легче принять такое объяснение, чем любое другое. На другом конце линии снова наступила тишина. Хорошо, наконец произнёс Гагарин. Я попробую. Я крепче сжал телефонную трубку. Не пытайтесь спасти весь мир сразу, Юрий Алексеевич. В пригороде Москвы есть больная Григорьева Антонина Марковна она нуждается в операции. Историю меняют не громкие слова. Её меняют люди, которые вовремя делают один правильный поступок. Понял. В трубке раздались короткие гудки. Я медленно положил трубку. Дима посмотрел на меня. Думаешь, он справится? Я долго молчал. Не знаю. Но если и есть человек, который способен взять на себя такую ответственность, то это именно Гагарин.

Глава 14

На следующий день, я сел на автобус и поехал в районный комитет ВЛКСМ. Небольшое двухэтажное здание выглядело солидно. Над входом висел красный флаг. На стене золотыми буквами было написано: «Районный комитет ВЛКСМ». Секретарь удивлённо посмотрела на меня. Ты к кому, молодой человек? К первому секретарю. Она подняла брови. По какому вопросу? По государственному. Она невольно улыбнулась. Смелый. Через несколько минут меня пригласили в кабинет. За большим столом сидел мужчина лет тридцати пяти. Он внимательно посмотрел на школьную форму. Слушаю тебя. Я не стал ходить вокруг да около. У меня претензия к районному комитету комсомола. Он даже снял очки. Интересно... Какая же? Наш рабочий посёлок кузница кадров для завода. Через несколько лет мы придём работать в цеха. Но нам негде заниматься спортом. На заводе построен отличный спортивный комплекс. Большую часть времени он пустует. Нет тренеров. Нет секций. Нет работы с молодёжью. Государство вложило огромные деньги, а объект простаивает. Разве это по-комсомольски? Секретарь внимательно слушал, не перебивая. Я продолжил: Мы говорим о воспитании сильной молодёжи. О подготовке рабочих. О защите Родины. Но как можно воспитать сильного человека, если двери спортивного зала закрыты? Почему заводские рабочие могут заниматься после смены, а школьники рабочего посёлка не имеют на это права? В кабинете повисла тишина. Первый секретарь поднялся из-за стола и подошёл к окну. Потом неожиданно спросил: Ты комсомолец? Да. Какой класс? Десятый. Он повернулся ко мне. Знаешь... За последние годы ко мне приходили просить путёвки, характеристики, рекомендации. Но ещё никто не приходил требовать открыть спортзал для всего посёлка. Я пожал плечами. Значит, кто-то должен был прийти первым. На лице секретаря появилась улыбка. Смелый ты парень, Саша. Он подошёл к телефону. Думаю, этот разговор стоит продолжить уже с директором завода, председателем профкома и комсоргом завода. Похоже, ты поднял вопрос, о котором взрослые почему-то забыли. Секретарь райкома посмотрел на часы. Потом перевёл взгляд на меня. За окном было воскресенье. Тихий день. Для большинства людей законный выходной. Он усмехнулся. Сегодня воскресенье. У меня выходной. У тебя тоже выходной. Но вместо отдыха ты пришёл сюда говорить не о себе, а о других. Он поднялся из-за стола и медленно прошёлся по кабинету. Таких, как ты, немного. Я молчал. Он неожиданно остановился. А знаешь что... Есть у меня для тебя предложение. Я насторожился. Какое? Возглавишь культмассовый сектор при нашем райкоме. Я удивлённо посмотрел на него. Он словно прочитал мои мысли. Не смотри так. Это не кабинетная должность. Будешь ездить по школам, заводам, клубам, собирать ребят, организовывать мероприятия, заниматься спортом, соревнованиями, походами. Работы много. Он снова сел за стол. Даю тебе месяц испытательного срока. Если справишься, районный комитет поддержит твои предложения. Будем добиваться, чтобы спортивные залы предприятий открывались для молодёжи. Не только в вашем посёлке. Во всём районе. Он внимательно посмотрел

мне в глаза. Потом с лёгкой улыбкой спросил: Ну что, сможешь? Или кишка тонка? Несколько месяцев назад этот вопрос, наверное, заставил бы семнадцатилетнего Сашу растеряться. Но сейчас перед ним сидел человек, проживший долгую жизнь. Я слишком часто видел людей, которые проверяли собеседника подобными словами. Им нужен был не ответ. Им нужна была уверенность. Я спокойно выдержал его взгляд. Страх не было. Передо мной сидел не враг. Не бандит. Не судьба. А всего лишь убеждённый идеалист, искренне веривший, что через комсомол можно сделать жизнь лучше. Таких людей я уже не боялся. Смогу, ответил я. Почему ты так уверен? Потому что мне нужен не кабинет. Мне нужны люди. Если молодёжь перестанет бездельничать по дворам и получит возможность заниматься спортом, выигрывать соревнования, ездить на сборы, то через несколько лет район станет совсем другим. Секретарь улыбнулся. Красиво говоришь. Я не говорю. Я собираюсь делать. Он протянул мне руку. Тогда договорились. С сегодняшнего дня ты работаешь на испытательном сроке. Через месяц посмотрим, кто ты мечтатель или организатор. Я крепко пожал его ладонь. И впервые почувствовал, что получил не просто должность. Я получил инструмент. А именно его мне так не хватало, чтобы менять не отдельные судьбы, а целые поколения. Это был вызов. И я его принял. Но, вернувшись домой, не стал строить грандиозных планов до глубокой ночи. Великие дела не решаются на усталую голову. Я поужинал, немного почитал и лёг спать.

Глава 15

Утро, как всегда, оказалось мудрее вечера. По дороге в школу я подозвал Диму. У меня для тебя работа. Какая? Будешь моим заместителем по культмассовой работе. Он удивлённо посмотрел на меня. А что делать надо? Всё то, что у тебя получается лучше всего. Организовывать людей, разговаривать с ними и следить, чтобы никто не испугался. Дима усмехнулся. Это я умею. Вторым помощником я взял Наташу. Не потому, что она была самой активной. Просто я ей доверял. А в большом деле доверие дороже любых талантов. Больше помощников мне пока не требовалось. Мы решили брать районный комитет комсомола не силой, а организацией.

Пока мы с Димой сидели на уроках, Наташа получила первое задание. За день она объехала почти весь район. Побывала возле заводских и школьных спортзалов, домов культуры, клубов. Записала часы работы, фамилии заведующих, узнала, где собираются дворовые ребята, кто считается неформальным лидером каждой компании. К вечеру у нас на столе лежала настоящая карта района. Теперь нужно было превратить разрозненные сведения в единый план. Печатать на машинке я никогда не учился. Но в прошлой жизни много лет работал за компьютерной клавиатурой. Поэтому быстро понял принцип. Вставил в пишущую машинку сразу три листа через копирку и принялся стучать по клавишам. Буквы ложились неровно, иногда приходилось исправлять ошибки, но через час документ был готов. Это было не письмо. И не жалоба. Это было коллективное обращение комсомольского актива района к партийным органам. В нём мы не обвиняли. Мы задавали неудобные вопросы. Почему построенные на государственные средства спортивные залы большую часть времени закрыты? Почему молодёжь рабочего района вынуждена проводить вечера во дворах, когда спортивные сооружения пусты? Почему государство вкладывает деньги в здоровье народа, а использовать эти объекты могут лишь немногие? Мы не критиковали партию. Мы обращались к коммунистам как к старшим товарищам, прося помочь исправить положение. За два дня Дима и Наташа собрали подписи комсомольских активистов из школ, предприятий и училищ. В среду вечером мы направились в районный комитет партии. Это был самый спокойный день недели. До выходных далеко, отчёты уже сданы, настроение у руководителей обычно рабочее и размеренное. Именно поэтому наше появление произвело настоящий эффект. Мы вошли в здание в парадной комсомольской форме. Красные шаровары, кожаные тужурки, папахи, комсомольские значки. Это была стилизация под первых комсомольцев двадцатых годов дерзкий, но узнаваемый образ, который сразу привлекал внимание. Секретарь райкома партии поднялся из-за стола, не понимая, что происходит. Но настоящий сюрприз ждал его впереди. Почти одновременно с нашим

приходом у проходных всех предприятий района, где имелись спортивные залы, собрались организованные группы комсомольцев. Не стихийные толпы. Не митинг. Ребята стояли с самодельными транспарантами и лозунгами: «Даёшь молодёжи спортзалы!» «Здоровая молодёжь сильная страна!» «Спорт будущим рабочим!» На каждом предприятии их было по несколько десятков. Вместе по району уже несколько сотен человек. Никто не шумел. Никто не нарушал порядок. Они просто стояли и ждали ответа. И именно эта спокойная организованность произвела на партийное руководство гораздо большее впечатление, чем любые громкие лозунги. Я понимал: сегодня мы начали не бунт. Мы начали разговор, от которого уже нельзя было отмахнуться. В кабинете воцарилась тишина. Секретарь райкома партии не спеша прочитал первую страницу обращения. Потом вторую. Затем снял очки и внимательно посмотрел на меня. Это ты написал? Мы написали, спокойно ответил я. Кто это «мы»? Комсомольцы района. Он усмехнулся. А говоришь в основном ты. Я промолчал. Он нажал кнопку селектора. Пригласите второго секретаря. И председателя райисполкома, если ещё не уехал. Через несколько минут кабинет наполнился людьми. Все читали одну и ту же бумагу. Лица становились всё серьёзнее. Так... произнёс один из них. А что происходит у проходных заводов? Секретарь поднял трубку внутреннего телефона. Соедините с директором механического завода. Через минуту он уже слушал. Что у вас там? Стоят? Сколько? Не шумят? Просто стоят с плакатами? Он положил трубку. Сто двадцать человек. Через пять минут позвонили с другого предприятия. Потом с третьего. Картина везде была одинаковой. Комсомольцы стояли спокойно. Никого не оскорбляли. Рабочим не мешали. Требование было одно. Открыть молодёжи спортивные залы. Второй секретарь внимательно посмотрел на меня. Это ты организовал? Да. За сколько дней? За три. В кабинете снова стало тихо. Три дня... повторил он. Мы месяцами собираем людей на субботники... Он неожиданно улыбнулся. А ты за три дня вывел на улицу почти весь районный комсомольский актив. Я покачал головой. Не вывел. Я просто предложил им дело, которое касается каждого. Спорт нужен всем. Поэтому никто никого не заставлял. Они пришли сами. Секретарь райкома партии медленно встал. Подошёл к окну. Внизу перед зданием тоже стояли ребята. Человек пятьдесят. Кто-то держал свёрнутый транспарант. Кто-то просто разговаривал. Никаких лозунгов. Никаких криков. Обычные школьники и молодые рабочие. Он долго смотрел на них. Потом повернулся ко мне. Знаешь, чего я сейчас испугался? Я пожал плечами. Нет. Если бы ты вывел их против партии... Он не договорил. Я спокойно ответил: Тогда меня здесь не было бы. Он внимательно посмотрел мне в глаза. Почему? Потому что партия и есть государство. А государство должно становиться сильнее. Я не пришёл воевать. Я пришёл помочь исправить ошибку. В кабинете снова повисла тишина. Первый секретарь неожиданно хлопнул ладонью по столу. Молодец! Все вздрогнули. Вот именно такими должны быть комсомольцы. Не жаловаться. Не ждать указаний. А находить проблему и предлагать решение. Он повернулся к своим заместителям. Завтра же собрать директоров всех предприятий района. Подготовить графики работы спортивных залов. Совместно с райкомом комсомола организовать секции для школьников и молодых рабочих. Ответственными назначить председателей профкомов. Исполнение в недельный срок. Он снова посмотрел на меня. Доволен? Я отрицательно покачал головой. Нет. Он удивился. Почему? Потому что спортзал без тренера просто помещение. Нужны инструкторы. Нужны соревнования. Нужны районные лиги. Нужна система. Чтобы через год каждый мальчишка знал, куда идти после школы. Чтобы не поворотням слонялся, а в зал спешил. В кабинете кто-то тихо присвистнул. Первый секретарь рассмеялся. Вот теперь я понимаю, почему комсомол доверил это дело именно тебе. Ты пришёл не дверь открыть. Ты пришёл менять весь порядок работы. И в этот момент я понял, что первый бой мы выиграли. Не криками. Не угрозами. А тем, что заставили взрослых увидеть проблему, которую они много лет просто не замечали.

Глава 16

Вечер закончился пленумом районного комитета комсомола. В большом зале не осталось свободных мест. Пришли секретари первичных организаций, комсорги школ, молодые рабочие, студенты училищ. Многие ещё не успели остыть после событий у проходных заводов. В воздухе чувствовалось возбуждение. Люди впервые увидели, что их голос может быть услышан. Слово предоставили мне. Я поднялся на трибуну. В зале мгновенно стало тихо. Товарищи, начал я. Сегодня мы ничего не победили. Послышался удивлённый шёпот. Сегодня мы не сломали систему. Мы лишь доказали, что молодёжь готова брать на себя ответственность. Наша задача не бороться со старшими товарищами. Наша задача помогать им видеть то, что они иногда не замечают. Если мы будем только требовать, нас перестанут слушать. Если же вместе с требованием будем предлагать решение, нас будут уважать. Я сделал паузу. Сегодня открылась первая дверь. Завтра откроются остальные. Но только в том случае, если каждый из вас вернётся в свой посёлок, на своё предприятие, в свою школу и начнёт работать. Не шуметь. Не искать виноватых. А организовывать людей. Именно в этом сила комсомола. Когда я закончил, несколько секунд в зале стояла тишина. Потом кто-то захлопал. Следом второй. Через мгновение весь зал поднялся со своих мест. Аплодисменты долго не стихали. После собрания ребята не расходились. Они смеялись, обсуждали планы, обменивались адресами. Кто-то уже предлагал провести первые районные соревнования. Кто-то открыть туристические секции. Кто-то мечтал о футбольной лиге между заводами. Я смотрел на них и понимал: сегодня они почувствовали вкус общей победы. Не той, которую дарят сверху. А той, которую люди добывают собственным трудом. Именно это чувство оказалось самым опасным. Опасным не потому, что оно было направлено против власти. А потому, что организованная молодёжь начинала понимать собственную силу. Руководители райкома комсомола тоже это увидели. Во время закрытого заседания разговор шёл уже не о спортзалах. Разговор шёл обо мне. Парень способен поднять район за несколько дней. За ним идут люди. Его слушают. Причём без приказов. Одни видели в этом огромную пользу. Другие возможную проблему. Любая организация настроенно относится к человеку, который способен быстро объединять вокруг себя людей. Первый секретарь долго молчал. Наконец он сказал: Если такой человек будет работать вместе с нами, район только выиграет. Если оставить его без дела, его энергия всё равно найдёт выход. Лучше направить её на пользу. После короткого обсуждения решение приняли единогласно. Меня утвердили заведующим культмассовым сектором райкома комсомола. А затем первый секретарь неожиданно добавил: И ещё одно предложение. Назначить Александра первым заместителем секретаря райкома комсомола по работе с молодёжными инициативами. В зале снова стало тихо. Даже я не ожидал такого поворота. Первый секретарь посмотрел прямо мне в глаза. Ты умеешь не только говорить. Ты умеешь зажигать людей. Теперь попробуй научиться ещё и отвечать за них. Я понимал, что вместе с новой должностью получаю не столько власть, сколько огромную ответственность. Ведь теперь за каждым моим словом могли пойти сотни молодых людей. А значит, ошибаться я больше не имел права. То, что для них казалось неожиданным открытием, для меня было давно пройденным этапом. Я прожил долгую жизнь. Я знал историю комсомола. Знал, как он рождался, как становился мощной созидательной силой и как постепенно превращался в обычную бюрократическую организацию, где должности нередко становились важнее людей. Поэтому я не собирался ломать систему. Я решил вернуть ей её первоначальный смысл. Я внимательно присматривался к людям. Меня не интересовали те, кто красиво говорил на собраниях. Мне были нужны те, кто после собрания оставался работать. Такие были почти в каждой школе, на каждом предприятии, в каждом колхозе. Они не рвались к трибуне. Не просили должностей. Именно их чаще всего и задвигали в сторону более удобные и исполнительные функционеры. Я начал вытаскивать этих ребят из тени. Одному поручил организовать спортивное движение. Другому туристические походы. Третьему работу с заводской молодёжью. Четвёртому культурные вечера и концерты. Я не раздавал громких званий. Я давал полномочия действовать. И самое главное за каждым из них стояла поддержка

сотен комсомольцев, готовых подняться по первому призыву ради конкретного дела. Люди быстро почувствовали перемены. В райком начали идти не за печатью на бумаге. Туда приходили со своими идеями. Предлагали соревнования, стройотряды, кружки, спортивные секции, помощь ветеранам, благоустройство дворов. Комсомол снова становился движением. Именно это больше всего встревожило партийное руководство. Через неделю было созвано внеочередное заседание районного комитета партии. За закрытыми дверями обсуждали уже не спортзалы. Обсуждали стремительно растущее влияние районного комсомола. Один из секретарей произнёс: Мы получили организацию, которая за несколько дней способна собрать сотни молодых людей. Другой возразил: Пока они требуют только открыть спортзалы. А если завтра потребуют чего-то большего? Первый секретарь долго молчал. Потом сказал: Пока они работают на благо государства. Но игнорировать такую силу мы не имеем права. По итогам заседания была подготовлена подробная докладная записка в областной комитет партии. В ней отмечалось, что в районе сформировалось необычайно активное комсомольское движение, способное в короткие сроки мобилизовать молодёжь вокруг общественно значимых инициатив. Отдельно подчёркивалось, что новые методы работы вызывают высокий отклик среди молодых людей и требуют внимания со стороны областного руководства. Так, ещё вчера никому не известный школьник неожиданно оказался в центре внимания не только районного, но и областного руководства. Я понимал: это был успех. Но вместе с ним пришло и другое чувство. Чем выше поднимаешься, тем больше людей начинают внимательно следить за каждым твоим шагом.

Глава 17

Но большие дела не отменяли обычной жизни. Несмотря на работу в райкоме, мы с Димой по-прежнему находили время зайти вечером к Наталье. Она всегда встречала нас с улыбкой. На столе кипел чайник, пахло свежим хлебом, а разговоры затягивались до позднего вечера. После той истории, когда Дима выгнал из её дома пьяных дебоширов, никто из местных больше не решался её беспокоить. Посёлок быстро понял простую истину: Наталья находится под нашей защитой. Для неё это было новым ощущением. Впервые за долгое время она перестала жить с постоянной тревогой. Когда районный комитет комсомола начал формировать новый состав актива, я предложил кандидатуру Натальи. Многие удивились. Девушка без громкого имени, без больших заслуг, да ещё из рабочего посёлка. Но я видел в ней главное качество — честность. Она не искала власти и никогда не пользовалась людьми в своих интересах. После долгих обсуждений её утвердили в штат райкома комсомола. А затем произошло то, чего никто не ожидал. Наталью назначили первым заместителем председателя по организационной работе. Для многих это стало настоящей сенсацией. Некоторые открыто говорили, что такого ещё не бывало. Но слово «первый заместитель» означало не только должность. Оно давало право принимать решения и координировать работу всего аппарата. Мы понимали, что останавливаться на открытии спортзалов нельзя. Если комсомол действительно хочет быть полезным людям, он должен заниматься тем, что волнует каждую семью. Следующей проблемой стала торговля. Пустые полки, очереди, постоянные разговоры о том, что хорошие товары исчезают ещё до открытия магазинов. Мы решили действовать открыто. Организовали собрания покупателей прямо в торговых залах крупных магазинов. Обсуждали вопросы поставок, учёта и справедливого распределения дефицитных товаров. Никаких криков и обвинений. Только предложения и общественный контроль. Чтобы никто не смог обвинить нас в самоуправстве, мы заранее направили официальные уведомления в районный комитет партии и сотрудникам отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности. Мы прямо заявили, что комсомольцы готовы помогать выявлять нарушения и добиваться честного распределения товаров в интересах жителей района. Райком комсомола мы заранее не уведомляли. Формально мы действовали от имени этой организации и в рамках её полномочий. Когда о наших действиях стало известно руководству, отступать было уже поздно. Десятки молодых людей работали в магазинах как общественные наблюдатели. Они фиксировали нарушения,

помогали организовывать очереди и следили, чтобы товары не уходили «через чёрный ход» своим людям. Это была уже не просто общественная работа. Это был первый опыт, когда молодёжь начала не только говорить о справедливости, но и добиваться её на практике. Именно тогда многие руководители окончательно поняли: перед ними выросла новая сила, с которой уже невозможно было не считаться. Через несколько дней район словно загудел. В магазинах впервые за долгое время исчезла привычная суэта. Продавцы уже не могли спокойно откладывать дефицитный товар «для своих». Стоило открыть подсобку, как рядом оказывался комсомольский общественник с блокнотом. Он ничего не запрещал. Он просто записывал. Сколько поступило товара. Когда его вынесли в торговый зал. Сколько человек купило. Казалось бы, мелочь. Но именно этой мелочи раньше и не хватало. Очень скоро жители района сами начали подходить к нашим ребятам. Сынок, а сахар сегодня был? Был. Куда делся? Сейчас разберёмся. Если выяснялось, что часть товара исчезла ещё до открытия магазина, акт тут же отправлялся в отдел торговли, в райком партии и сотрудникам ОБХСС. Никто никого не обвинял. Только факты. Именно фактов больше всего боялись нечистые на руку руководители. Через две недели произошло то, чего никто не ожидал. Начальник районного отдела торговли сам попросил встречи. Он приехал в райком комсомола без всяких вызовов. Александр, начал он осторожно, давайте работать вместе. Я молча смотрел на него. Мы же не враги. Вы нам помогаете увидеть недостатки. Но поймите и нас. Есть объективные трудности. Поставщики, транспорт, планы... Я улыбнулся. А мы и не воюем с вами. Мы воюем с несправедливостью. Если её станет меньше, мы первыми скажем людям спасибо. Он облегчённо выдохнул. На этом и договорились. Теперь каждую неделю представители торговли, комсомола и партийного комитета собирались за одним столом. То, что раньше скрывали в кабинетах, теперь обсуждали открыто. Для района это было непривычно. А для области почти невероятно. Докладные записки одна за другой уходили в обком. Одни называли происходящее удачным опытом. Другие предупреждали, что районный комсомол получает слишком большое влияние. Меня это уже не удивляло. Я понимал простую вещь. Любая система спокойно относится к человеку, который просит. Но начинает нервничать, когда появляется человек, способный организовать других. Вечером мы снова собрались у Натальи. Она поставила на стол чай, нарезала хлеб и улыбнулась. Вы хоть понимаете, что про вас уже весь район говорит? Дима засмеялся. И что говорят? Одни считают вас героями. Другие сумасшедшими. Я посмотрел на неё и ответил: Это хороший признак. Если все вокруг довольны, значит, ничего по-настоящему важного ты не делаешь. Дима поставил кружку на стол. Сань... Что? Мне кажется, мы уже не сможем жить как раньше. Я посмотрел в окно. За стеклом медленно падал снег. Где-то далеко гудел вечерний поезд. Я прекрасно понимал, что он прав. Мы уже изменили жизнь небольшого района. Но впереди была куда более трудная задача. Через несколько недель наступит март. И именно в марте судьба вновь сведёт нас с Юрием Гагариным. А значит, настоящие испытания только начинались.

Глава 18

Я только начал работать, а меня уже считали человеком новой формации. Одни говорили перспективный. Другие слишком самостоятельный. Третьи вообще называли меня опасным идеалистом. Но спорить никто не стал. Вместо этого приняли решение придать моему энтузиазму правильную партийную форму. Меня направили на трёхмесячные курсы в Центральную комсомольскую школу. Официально для повышения квалификации и завершения среднего образования. Неофициально чтобы присмотреться ко мне поближе. Я прекрасно понимал, что вместе с учёбой меня будут изучать. Кто я такой. Откуда появились мои идеи. Почему за мной идут люди. Отказываться было глупо. Москва открывала передо мной куда большие возможности, чем любой районный комитет. Единственное условие я поставил сразу. Со мной поедет Дима. В райкоме переглянулись. Зачем? Потому что я привык работать с людьми, которым доверяю. После недолгих согласований разрешение было получено. Дима перевёлся в москов-

скую школу и прописался у своей тётки, давно жившей в столице. Одновременно решил и ещё один вопрос, который давно не давал ему покоя. Благодаря хлопотам Гагарина его маму перевезли в Москву. Её положили в больницу имени Боткина, где после операции она проходила длительную реабилитацию. Я впервые увидел на лице Димы настоящее облегчение. Он уже не разрывался между работой, школой и уходом за матерью. Теперь за её здоровьем следили лучшие врачи. Сами мы решили не стеснять родственников. Сняли небольшую квартиру на Рязанском проспекте. Старый кирпичный дом. Три большие комнаты. Потёртый паркет. Газовая плита на кухне. Скрипучий барский диван, железные кованные кровати и дубовый стол у окна. По меркам столицы жильё самое обычное. Для нас настоящий штаб. Вечером мы разложили немногочисленные вещи. Дима подошёл к окну. Внизу непрерывным потоком шли люди. Звенели трамваи. По проспекту нескончаемой рекой двигались машины. Совсем другая жизнь. Совсем другой масштаб. Ну что, Сань, улыбнулся Дима, теперь мы москвичи? Я тоже подошёл к окну. Нет. Пока ещё нет. Мы только приехали. А вот покорить Москву... Я посмотрел на огни огромного города...это уже совсем другая задача. И, честно говоря, именно ради неё судьба, кажется, и привела меня сюда. На следующее утро столица встретила нас шумом улиц, запахом свежего хлеба из булочных и бесконечным людским потоком. Москва жила совсем иначе, чем наш рабочий посёлок. Здесь каждый куда-то спешил. Каждый считал своё время. И именно здесь мне предстояло проверить, чего на самом деле стоят мои идеи. Потому что покорить район было трудно. Но покорить Москву это уже совсем другой уровень игры. На территории нашего района находилось всего два спортивных зала. Один в нашей школе. Второй в средней школе. Для огромного Вишняковского района этого было ничтожно мало. Желающих заниматься становилось всё больше, а мест катастрофически не хватало. Но унывать мы не собирались. Мы с Димой просто собрали молодёжь района. За несколько дней он обошёл дворы, школы, общежития и предприятия. К назначенному часу возле райкома комсомола собралось около пятисот человек. Никаких лозунгов. Никаких криков. Никаких беспорядков. У каждого в руках была лишь одна просьба. Мы предлагали вывести старинную усадьбу Одоевских из категории исключительно исторического объекта и приспособить её территорию для проведения массовых культурно-спортивных мероприятий Вишняковского района. Летом спортивные праздники. Зимой лыжные соревнования. Весной легкоатлетические кроссы. Осенью туристические слёты. Мы не просили денег. Не требовали строительства. Мы просили разрешить использовать то, что уже принадлежало государству. Секретарь райкома комсомола хорошо помнил историю со спортзалами. Он был наслышан обо мне. Но, увидев перед окнами полтысячи молодых людей, заметно занервничал. Он понимал, что любое неверное решение может закончиться серьёзным разговором уже с партийным руководством. Не читая документ до конца, он поставил подпись. Передавайте в райком партии. Мы поблагодарили его и спокойно вышли. Тем временем к зданию уже подъезжали милицейские машины. Следом прибыли руководители районного комитета партии. Они ожидали увидеть митинг. Но увидели совершенно другую картину. Пока они собирались, молодёжь организованно разошлась по домам. Через несколько минут площадь перед зданием опустела. Именно это оказалось самым тревожным. Никто никого не разгонял. Никто никого не задерживал. Люди просто пришли, подали обращение и ушли. А самое неприятное для партийных руководителей заключалось в другом. Это были их дети. Дети инженеров. Рабочих. Учителей. Партийных работников. Именно поэтому силой решить вопрос было невозможно. На следующее утро я официально оформил справку о временной нетрудоспособности и передал её старосте нашей учебной группы. После этого отправился в райком партии. Меня ждали. Судя по усталым лицам, некоторые руководители действительно провели там почти всю ночь. Едва я вошёл в кабинет, на меня обрушился поток упреков. Что вы себе позволяете, товарищ комсомолец? Кто дал вам право собирать такие массы людей? Вы понимаете, чем это могло закончиться? Это нарушение партийной дисциплины! Я молча слушал. Не перебивал. Передо мной сидели старшие

товарищи. Они имели право высказаться. Минут через двадцать я заметил, что их замечания начали повторяться. Одни и те же слова. Одни и те же обвинения. Тогда я спокойно поднялся. Разрешите? В кабинете стало тихо. Я посмотрел на каждого из присутствующих. Товарищи, вы уже второй раз повторяете одни и те же доводы. Это говорит о том, что к разговору вы подготовились недостаточно. Несколько человек удивлённо переглянулись. Я продолжил уже увереннее: Позвольте задать один вопрос. Почему пятьсот молодых людей смогли собраться за несколько дней? Не потому, что я хороший организатор. А потому, что им нечем заниматься. У молодёжи есть энергия. Есть желание работать, заниматься спортом, участвовать в общественной жизни. Но вместо этого они вечерами стоят во дворах. И виноваты в этом не они. Виноваты мы. Мы, взрослые. Мы не предложили им ничего взамен. Я сделал небольшую паузу. Сегодня они пришли просить спортивную площадку. А завтра их может позвать кто-то другой. И тогда ответственность будет уже не на них. А на тех, кто вовремя не услышал молодёжь. В кабинете наступила такая тишина, что было слышно, как за окном проехал трамвай. Я понимал, что сейчас спорили уже не со школьником. Спорили с человеком, который заставил их посмотреть на проблему с другой стороны. И именно это было самым неприятным для партийных руководителей. Потому что мои слова было трудно опровергнуть.

Глава 19

Мы не стали ждать, пока чиновники будут месяцами согласовывать бумаги. Если молодёжи нужен дом, его нужно создавать своими руками. На следующий день мы открыли ворота усадьбы Одоевских. Здание много лет стояло заброшенным. Разбитые окна. Провалившиеся полы. Горы мусора. Следы костров и бесконечного запустения. Мы вошли туда официально, в присутствии представителей райкома комсомола. Был составлен акт о занятии заброшенной территории для проведения общественных работ по её расчистке и благоустройству. Никто ничего не захватывал. Мы просто начинали приводить государственное имущество в порядок. Работа закипела. Три дня подряд сотни ребят выносили мусор, разбирали завалы, заколачивали окна, очищали дорожки, спиливали сухостой. Каждый приходил после учёбы или работы. Никого не заставляли. Люди приходили сами. Когда на четвёртый день я появился на занятиях в Центральной комсомольской школе, меня уже ждали. Едва я вошёл в аудиторию, один из преподавателей произнёс: Товарищ, объясните нам, как человек, находящийся на больничном, может одновременно руководить общественными работами? Другой добавил: Это называется симуляция болезни. В аудитории послышался одобрительный гул. Я молча выслушал все обвинения. Не перебивал. Пусть выскажутся. Когда поток упреков иссяк, я спокойно поднялся. Разрешите ответить? Стало тихо. Я обвёл взглядом аудиторию. Пусть любой из вас бросит в меня камень, если я не прав. Несколько человек удивлённо переглянулись. Я продолжил: Если демагог может поставить под сомнение заключение врача, человека, который пять лет изучал своё дело и несёт ответственность за каждую подпись, то грош цена такому демагогу. В зале стало ещё тише. Если будущий коммунист не доверяет специалисту только потому, что ему это удобно, значит, завтра он так же легко перестанет доверять инженеру, учителю, конструктору или рабочему. А это уже не дисциплина. Это высокомерие. Я сделал небольшую паузу. Да, врач признал меня временно нетрудоспособным. Но временная нетрудоспособность не означает временную потерю совести. Если человек способен, несмотря на болезнь, сделать хоть что-то полезное для общества, он обязан это сделать. Разве не этому нас учили? Разве не так работал Павел Корчагин? Разве не так Владимир Ильич выходил на субботники и нёс бревно вместе со всеми? Я почувствовал, что аудитория начинает слушать уже иначе. Мы не строим себе дворцы. Мы не захватываем имущество. Мы своими руками возвращаем молодёжи здание, которое десятилетиями разрушалось и принадлежало когда-то буржуазной культуре. Мы хотим, чтобы там звучал детский смех, работали спортивные секции, кружки, театральные студии. Чтобы вместо пустых стен появился настоящий Дом молодёжи. Я посмотрел на преподавателей. И если кто-то считает, что это вред для партии, пусть скажет об

этом открыто. Пусть объяснит комсомольцам, почему они должны проходить мимо развалин и ничего не делать. Почему лучше оставить здание разрушаться, чем своими руками вдохнуть в него новую жизнь. Я крепко сжал ладони. А я, как ленинец, буду строить этот Дом молодёжи. Даже если мне будут мешать. Даже если меня будут обвинять. Потому что партия становится сильнее не тогда, когда пишет отчёты. Она становится сильнее тогда, когда её молодёжь своими руками создаёт будущее. Когда я закончил, в аудитории повисла тишина. Никто больше не говорил о симуляции. Спор неожиданно перешёл совсем в другую плоскость. Теперь обсуждали уже не мою справку. Теперь обсуждали, почему тысячи подобных зданий по всей стране продолжают пустовать. Несколько секунд никто не произносил ни слова. Даже преподаватели, ещё минуту назад уверенно обвинявшие меня, молчали. Первым поднялся пожилой преподаватель истории партии. Он медленно снял очки. Товарищи... произнёс он негромко. Мы сейчас спорим не о медицинской справке. Он посмотрел сначала на меня, потом на аудиторию. Мы спорим о том, что важнее соблюсти форму или добиться результата. В зале снова стало тихо. Но молчание нарушил другой преподаватель. Результат никогда не оправдывает нарушение дисциплины. Я кивнул. Полностью согласен. Все удивлённо посмотрели на меня. Тогда почему вы так поступили? Потому что я не нарушал дисциплину. Я действовал открыто. Никого не обманул. Не скрывался. Все мои действия были известны райкому комсомола и районному комитету партии. Мы не ломали двери. Мы открыли заброшенное здание в присутствии представителей власти. Мы составили акт. Мы организовали добровольцев. И теперь вместо развалин получаем будущий Дом молодёжи. Если это нарушение дисциплины, тогда объясните мне, где именно я её нарушил. Ответа не последовало. Тогда я продолжил: Мы слишком привыкли ждать указаний. Сначала письмо. Потом согласование. Потом комиссия. Потом ещё одна комиссия. Через год появляется ещё одна бумага, объясняющая, почему ничего сделать нельзя. А молодёжь всё это время растёт. Ей сегодня нужны спорт, кружки, книги, музыка. Не через пять лет. Сегодня. Я обвёл взглядом зал. Мы готовим руководителей. Так давайте учить их не только писать отчёты. Давайте учить принимать решения. Пусть ошибаются. Но пусть делают. После этих слов аудитория словно разделилась. Молодые слушатели заметно оживились. Старшие преподаватели переглядывались между собой. Именно в этот момент открылась дверь. В аудиторию вошёл начальник Центральной комсомольской школы. Он явно уже слышал о происходящем. Не спеша подошёл к кафедре. Взял мою медицинскую справку. Прочитал. Положил обратно. Товарищи, сказал он спокойно. Я внимательно выслушал обе стороны. Он повернулся ко мне. Ваши методы спорные. Но одно отрицать невозможно. Вы добиваетесь результата. Теперь он посмотрел на преподавателей. А ваша задача не искать виноватых. Ваша задача научить таких людей работать так, чтобы их энергия приносила государству пользу. Он сделал небольшую паузу. Поэтому предлагаю закончить дискуссию. Вместо взыскания... Он неожиданно улыбнулся. Подготовьте подробный проект преобразования усадьбы Одоевских в районный Дом молодёжи. Со сметой. Планом работ. Штатным расписанием. Источниками финансирования. Если хотите менять страну учитесь делать это профессионально. Я понял, что выиграл ещё один бой. Не потому, что сумел красиво выступить. А потому, что заставил систему сделать самое трудное вместо запрета предложить работу. Когда занятия закончились, Дима встретил меня у входа. Ну что? Я улыбнулся. Теперь нам придётся действительно строить Дом молодёжи. Он засмеялся. А я уж думал, опять отделаемся митингом. Нет, Дим. Теперь начинается самая тяжёлая часть. Строить всегда труднее, чем убеждать. И именно этого я ждал с самого первого дня, когда судьба подарила мне вторую жизнь.

Глава 20

День прошёл плодотворно. Я набросал план занятий, отправил Диму по нашим спортивным площадкам проверить, как идёт работа на местах. Позвонил Наташе и попросил организовать экономистов и бухгалтеров, чтобы они подготовили смету и просчитали финансовую устойчивость наших Домов молодёжи. Лишь к вечеру, освободившись от дел, я неторопливо

пошёл через парк к проспекту. Настроение было удивительно светлым. Хотелось творить, строить планы, просто идти и дышать полной грудью. Казалось, впереди открывается новая жизнь. Сигаретой не угостишь? услышал я сбоку. Я настолько был погружён в свои мысли, что даже не сразу понял, что обращаются ко мне. Не курю, спокойно ответил я. И вам не советую. Лучше спортом займитесь. Ответить они не успели. Удар в челюсть вспыхнул ослепительной болью и в одно мгновение выбил меня из моей эйфории, вернув в суровую реальность. Я рухнул на землю. Их было несколько. Удары сыпались один за другим ногами, кулаками. Я пытался закрыть голову, но каждый новый удар отнимал силы. Через несколько секунд они уже выворачивали мои карманы. Забрали всё, что нашли, и так же быстро растворились в темноте парка. Я медленно поднялся. Из разбитого носа текла кровь, губы были рассечены, во рту ощущался солоноватый вкус крови. В голове гудело. Передо мной, в конце длинной аллеи, одиноко горел фонарь. Его тусклый свет казался единственным живым пятном среди густой темноты. Я стоял, покачиваясь, и смотрел на этот фонарь. А в голове, перекрывая боль и унижение, крутилась только одна мысль: «Спаси Юру...» «Спаси Юру...» Какого Юру? не мог понять я. Мысли путались. Голова гудела от ударов. Я попытался вспомнить хоть одного Юру, которому сейчас могла грозить опасность, но сознание словно проваливалось в густой туман. Я поднял окровавленное лицо к небу и, раскинув руки, закричал: Тебе что, Гагарина мало?! Крик утонул в темноте. Только ветер качнул верхушки деревьев, словно усмехнулся над моей беспомощностью. Домой я уже не шёл я бежал. Я открыл дверь квартиры и прислонился к стене. Тишина. Только тяжёлое дыхание да кровь, медленно капающая с подбородка на пол. Прошёл в ванную, включил холодную воду и долго смотрел, как красные струйки исчезают в раковине. Разбитое лицо в зеркале смотрело на меня с каким-то незнакомым выражением. В глазах не было ни злости, ни желания отомстить. Был только страх. Настоящий, животный страх. Я впервые понял, насколько незащищён человек. Все мои должности, комсомольские поручения, собрания, планы, громкие речи о воспитании молодёжи всё это осталось там, за пределами парка. А здесь, перед зеркалом, стоял избитый человек, которого несколько подонков за пару минут превратили в беспомощное существо. Я сел на край кровати. Снова закрыл глаза. И опять... «Спаси Юру...» Голос прозвучал так отчётливо, словно кто-то произнёс эти слова прямо у меня за спиной. Я резко обернулся. Никого. Только тиканье часов. Да кто ты такой? тихо спросил я в пустоту. И какого Юру мне нужно спасать? Ответа не было. Я перебрал в памяти всех знакомых. Юрка из школы. Юрий Петрович с работы. Сосед Юра. Дальний родственник... Нет. Ни один из них не вызывал ощущения надвигающейся беды. И вдруг меня словно пронзило. А что, если это вовсе не человек, которого я знаю? Что, если это только имя... знак... предупреждение? Я почти не спал той ночью. Стоило закрыть глаза, как передо мной снова возник одинокий фонарь в конце аллеи, а где-то совсем рядом звучал всё тот же настойчивый шёпот: Спаси Юру... Наутро я проснулся с тяжёлой головой и опухшим лицом. Болело всё тело, но ещё сильнее болела неизвестность. Я ещё не знал, что этот странный голос станет первым звеном в цепи событий, которые полностью изменят мою жизнь. Бежал, постоянно оглядываясь. Каждый шорох за спиной заставлял сердце уходить в пятки. Казалось, что они снова рядом, что сейчас опять выскочат из темноты. В голове стучала одна унижительная мысль: «Я букашка... таракашка... Каждый может меня обидеть. Каждый может ударить. Каждый может отнять всё, что у меня есть...» Только подходя к дому, я неожиданно остановился. «Юра...» И вдруг мелькнула догадка. «Юрий Антонов?...» Я даже усмехнулся своей нелепой мыслью. Может, его надо спасать?... Дима посмотрел на меня с нескрываемым удивлением. Слушай, старик, ты явно притягиваешь к себе отрицательную энергию. Это же надо просто пошёл домой и уже успел получить по физиономии. Как так? Я невольно улыбнулся. «Что-то речь у него стала слишком витиеватой, подумал я. Похоже, появилась новая подруга. И, судя по всему, совсем не с комсомольскими взглядами.» Я осторожно умылся холодной водой, морщась от боли. Каждое прикосновение к разбитому лицу отзывалось тупым ударом в висках. Как дела на местах?

спросил я. Всё нормально, по-военному доложил Дима. Спортзалы работают, тренировки идут по расписанию. Народ подтягивается. Жалоб нет. Я кивнул и протянул ему папку с набросками. Вот эскизы спортивных снарядов. Отработай их с нашими шефскими предприятиями. Пусть посмотрят, что смогут изготовить своими силами. Дима бегло пролистал листы и молча кивнул. И ещё, продолжил я. Не забывай про магазины. Берём под своё шефство все торговые точки, с которыми уже начали работать. Только никаких поборов. Предложи им официально вступать в число наших добровольных помощников и перечислять членские или целевые взносы через комсомол. Дима вопросительно посмотрел на меня. А я уже думал совсем о другом. «Нет... Так не пойдёт. Деньги должны приходиться официально. Люди должны получать документ, подтверждающий, что они действительно внесли средства на развитие молодёжных программ. Нужны квитанции... приходные ордера... какие-то бланки строгой отчётности. Тогда это будет не подачка и не взятка, а законная благотворительная помощь или целевой взнос на развитие спорта и молодёжных инициатив.» Я почувствовал, что начинаю мыслить уже не как комсомольский активист, а как человек, которому предстоит построить систему. Любое хорошее дело живёт ровно до тех пор, пока держится на энтузиазме. Потом либо появляется порядок, либо всё разваливается. Именно порядок мне теперь и предстояло придумать.

Глава 21

По своим каналам я выяснил, что Юрий Антонов сейчас находится в Белоруссии участвует в съёмках фильма. «А вдруг это действительно он?» не давала покоя мысль. После того, что произошло в парке, я уже не мог просто отмахнуться от этого странного голоса. Совпадение? Последствие сотрясения? Или предупреждение? Недавно выходили на связь с Юрием Гагариным и дал ему задание оснастить наши дома молодежи инвентарем. Он воспринял это спокойно. Мы его заняли делом и он уже не хотел летать. Он увлёкся идеей помощи молодежи. А у нас появилась новая цель и новый Юра. Проверить можно было только одним способом. Честно говоря, одному ехать было страшновато. После ночного нападения я постоянно ловил себя на том, что оглядываюсь и вздрагиваю от каждого резкого звука. Поэтому я решил взять с собой Диму и Наташу. Прокатимся в Белоруссию, сказал я как можно спокойнее. Зачем? почти одновременно спросили они. Сам пока не знаю. Но чувствую, что должен. Они переглянулись. За время нашего знакомства оба уже привыкли, что мои самые безумные идеи почему-то заканчиваются вполне реальными результатами. В школе я оформил справку о временной нетрудоспособности. С моим разбитым лицом врач даже не стал задавать лишних вопросов. Осмотрел, покачал головой и без лишних разговоров подписал документ. Через день мы уже ехали в поезде. Я смотрел в окно на проплывающие поля и леса, а в голове снова и снова звучали два слова: Спаси Юру... И чем ближе становилась Белоруссия, тем сильнее было ощущение, что эта поездка изменит не только мою жизнь, но и судьбу человека, которого я ещё даже не встретил. До Минска мы добрались ранним утром. Город только просыпался. На улицах пахло свежим хлебом и мокрым асфальтом после ночного дождя. По своим каналам я выяснил, что на киностудии идут съёмки музыкального фильма «Отчего ж нам не петь!», в котором участвует Юрий Антонов. Именно туда мы и направились. На проходной нас встретили настороженно. Вы к кому? К Юрию Антонову. У вас назначена встреча? Нет. Тогда ничем помочь не можем. Я достал своё комсомольское удостоверение и спокойно объяснил: Мы приехали из Москвы. Нам очень нужно поговорить с Юрием Михайловичем. Это займёт всего несколько минут. Охранник недоверчиво посмотрел сначала на моё ещё не до конца зажившее лицо, потом на Диму и Наташу. Подождите. Минут через десять он вернулся. Ладно. Только недолго. Мы прошли через павильоны. Повсюду суетились осветители, гримёры, костюмеры. Кто-то двигал камеры, кто-то настраивал аппаратуру, музыканты переговаривались между собой, а режиссёр что-то горячо объяснял актёрам. Совсем в стороне, под большим клёном, сидел человек с гитарой. Он перебирал струны, словно проверяя каждую ноту на вкус. Я сразу понял это он. Юрий Антонов выглядел спокойным, но в глазах читалась усталость человека, которого узнают везде, но редко

оставляют наедине с собой. Мы подошли. Здравствуйте, Юрий Михайлович. Он поднял голову и внимательно посмотрел на меня. Здравствуйте. Мы знакомы? Нет. Меня зовут Саша. Это мои друзья Дима и Наташа. Мы приехали из Москвы. Он удивлённо улыбнулся. Из Москвы? Ради съёмки фильма? Нет... Ради вас. Улыбка исчезла. Он молча отложил гитару. Интересно... Слушаю. Я сделал глубокий вдох. Только не подумайте, что я сумасшедший. Несколько дней назад меня избили в парке. Когда я пришёл в себя, в голове звучали только два слова: «Спаси Юру». Я никак не мог понять, о ком идёт речь. Потом узнал, что вы сейчас здесь... И приехал. Несколько секунд он молчал. Потом неожиданно спросил: И вы действительно проделали такой путь только из-за этих слов? Да. Он внимательно посмотрел мне прямо в глаза. Так смотрят люди, которые привыкли отличать искренность от лжи. Смелый поступок... или безрассудный. Сам ещё не решил. Антонов тихо рассмеялся. Знаете, в творческой жизни иногда тоже бывают странные предчувствия. Не всё можно объяснить логикой. Он поднялся со скамейки. И как же вы собираетесь меня спасти? Я развёл руками. Пока не знаю. Но если я не приехал бы, то потом всю жизнь спрашивал бы себя: а вдруг это было предупреждение? Он несколько секунд молчал, потом протянул мне руку. Спасибо. Я растерялся. За что? За то, что в наше время ещё находятся люди, готовые проехать тысячи километров ради совершенно незнакомого человека. Даже если всё это окажется ошибкой. Он снова взял гитару и негромко провёл рукой по струнам. Запомните одну вещь, Саша. Иногда человеку нужно не спасение. Иногда ему просто необходимо узнать, что где-то есть люди, которым небезразлично, что с ним происходит. Я почувствовал, как по спине пробежал холодок. Неужели именно ради этих слов меня избили в том парке? Или настоящие события только начинались? Бабкину будем пробовать! громко крикнул помощник режиссёра. Я машинально обернулся. В стороне, словно стараясь никому не мешать, стояла молоденькая девушка. Скромное платье, простая причёска, в руках небольшая сумка. Она заметно волновалась, но изо всех сил старалась этого не показывать. «Вот оно...» мелькнуло у меня в голове. Сам не понимая почему, я почувствовал, что именно сейчас происходит что-то важное. Не только для неё, но и для меня. Я подошёл ближе. Надя? Она удивлённо посмотрела на меня и кивнула. Да... В её глазах мелькнула надежда. Наверное, за последние несколько часов она уже привыкла к тому, что к ней подходят только затем, чтобы сказать очередное «нет». Я улыбнулся. Меня зовут Саша. Она нерешительно пожала мне руку. Очень приятно... В этот момент из павильона вышел кто-то из съёмочной группы. Извините, девушка. Режиссёр решил, что на эту роль вы не подходите. Спасибо за участие. Надя ничего не ответила. Только опустила глаза. Я видел, как она изо всех сил старалась не расплакаться. Значит... домой? тихо спросила она. Да. Завтра поезд до Астрахани. Повисла тяжёлая пауза. А петь хочется? неожиданно спросил я. Она резко подняла голову. Будто внутри кто-то включил свет. Очень... В одном этом слове было столько боли, надежды и упрямства, что мне стало не по себе. Больше всего на свете, добавила она уже совсем тихо. «Вот оно...» снова подумал я. «Из таких людей и рождаются настоящие артисты. Не из тех, кому всё достаётся сразу, а из тех, кто после отказа всё равно не перестаёт мечтать.» И тут в голове понеслось. «Нужен человек, который будет искать площадки, договариваться с директорами домов культуры, организовывать гастролы, вести переговоры... Продюсер? Нет, в это время такого слова почти не употребляют. Администратор? Концертный директор? Организатор? Да какая разница, как называется профессия. Главное, чтобы кто-то открывал талантам дорогу к людям.» Я поймал себя на том, что уже мысленно строю целую систему. Комсомольские фестивали. Молодёжные концерты. Поездки по стране. Новые песни. Новые исполнители. Почему этим должны заниматься только государственные филармонии? Молодёжь тоже имеет право на свою сцену. Пойдём, сказал я. Куда? удивилась Надя. Искать жильё. Не возвращаться же тебе сегодня с опущенными руками. Пока мы здесь, спокойно всё обсудим. Она растерянно посмотрела сначала на меня, потом на Диму и Наташу. Наташа улыбнулась. Не бойся. Наш Саша иногда делает совершенно безумные вещи. Но, как ни странно, они часто заканчиваются чем-то хорошим. Надя впервые за

весь день улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Но это уже была улыбка человека, у которого снова появилась надежда.

Глава 22

Мы заехали в гостиницу за вещами Нади. Номер оказался маленьким, но удивительно уютным. На кровати лежал раскрытый чемодан, рядом несколько нотных тетрадей, пара книг и аккуратно сложенное концертное платье, которое так и не понадобилось. Надя виновато улыбнулась. Вот и всё моё богатство... Наташа подошла к администратору. Через несколько минут она вернулась с ключами. Договорилась. До утра останемся здесь. Нам дали номер рядом с Надей. Всё равно поезд на Москву только утром. Отлично, сказал Дима, забирая чемодан. Пока ребята устраивались, я сел у окна. Во дворе гостиницы моросил мелкий дождь. Где-то вдалеке гудел трамвай. Минск жил своей размеренной жизнью, а у меня в голове творилось чёрт знает что. «Надя Бабкина...» Я уже почти видел огромные концертные залы. Тысячи зрителей. Аплодисменты. А рядом возникала совсем другая мысль. «Кто всё это будет организовывать?» Артист может быть гениальным. Но если его некому показать людям, он так и останется никому не известным. Нужен человек, который сможет договариваться с директорами дворцов культуры, выбивать гастроли, убеждать чиновников, находить музыкантов, организовывать афиши, билеты, рекламу... Человек, который будет жить не на сцене, а рядом с ней. И вдруг в голове вспыхнула фамилия. **Айзеншпис**. Я даже усмехнулся. И тоже Юра. Может это его надо спасти. «Вот ведь память... Значит, такая профессия всё-таки появится. Не просто администратор. Не просто директор коллектива. Человек, который умеет делать из талантливого исполнителя настоящую звезду.» Я поднялся и начал ходить по комнате. Нет... Мне нужен не один такой человек. Мне нужна целая система. Комсомольские клубы. Молодёжные фестивали. Свои концертные площадки. Свои администраторы. Свои гастрольные маршруты. Пусть государственная эстрада живёт своей жизнью. Мы создадим молодёжную. Я настолько увлёкся этой мыслью, что не заметил, как в комнату вошла Наташа. О чём задумался? О будущем. Она рассмеялась. И что на этот раз? Думаю, что очень скоро стране понадобятся люди новой профессии. Какой? Я улыбнулся. Пока не знаю, как она будет называться. Но именно эти люди будут зажигать новые звёзды. Наташа посмотрела на меня так, словно уже привыкла к подобным заявлениям. Тогда ложись спать, великий реформатор. Завтра Москва. Я выключил свет. Но ещё долго не мог уснуть. Перед глазами стояла Надя, одиноко ждавшая решения режиссёра, а рядом уже выстраивалась совсем другая картина переполненные залы, гастрольные поезда, молодые артисты, которых ещё никто не знает, но которых однажды узнает вся страна. Уже засыпая, я вдруг поймал себя на неожиданной мысли. «Кажется, я становлюсь идейным...» От этой догадки даже сон отступил. Чёрт... пробормотал я, переворачиваясь на другой бок. Да что же это такое? Я тихо рассмеялся. Ещё недавно все мои мысли были о том, как заработать деньги, что построить, кого обойти, где найти новые возможности. А теперь... Комсомольские стройки. Спортивные клубы. Дома молодёжи. Будущие артисты. Какие-то концертные директора, гастроли, фестивали... «Совсем с ума сошёл», подумал я. В соседнем номере спала Надя, девушка, которой сегодня отказали в роли, но которая всё равно продолжала мечтать о сцене. А рядом была Наташа. Красивая. Умная. Верная. И вместо того чтобы думать о девушках, я опять строю какие-то грандиозные планы. Комсомолец, блин... усмехнулся я в темноту. И вдруг понял одну странную вещь. Наверное, дело было вовсе не в комсомоле. Мне просто нравилось видеть, как у людей появляется надежда. Сегодня утром Надя собиралась уехать домой с ощущением, что её мечта закончилась, так и не начавшись. А вечером она уже улыбалась. Может быть, именно ради таких улыбок и стоило затевать всё то, что рождалось сейчас в моей голове? Я зевнул, натянул одеяло до подбородка и окончательно сдался сну. Последней мыслью было: «Ладно... О девушках подумаю завтра. А сегодня пусть мне приснится что-нибудь полезное... Только, пожалуйста, без новых Юр...». Но природа взяла своё. Стоило нежному телу Наташи прикоснуться ко мне. И ее нежное я соскучилась. Наша кровать запела свою песню

пружин и шарниров. Утром нас уже мчал поезд в столицу. За окном мелькали леса, деревни, полустанки. Колёса мерно отбивали свой нескончаемый ритм, а мне казалось, что они отсчитывают время до новой жизни. Мы возвращались туда, где нас ждали не только работа, но и мечты. Надя почти всю дорогу молчала. Иногда смотрела в окно, иногда перебирала пальцами нотную тетрадь, словно мысленно распевалась. Наташа что-то рассказывала ей о нашем Доме молодёжи, о ребятах, о репетициях. Постепенно напряжение исчезало, и Надя уже улыбалась так, будто давно была частью нашей команды. Москва встретила привычной суетой. Не теряя времени, я сказал: Наташа, забирай Надю и езжайте в Дом молодёжи. Покажешь ей зал, инструменты, познакомишь с ребятами. Пусть почувствует себя дома. Сделаем, кивнула Наташа. А вы? спросила Надя. Я переглянулся с Димой. А у нас ещё одно дело. Когда девушки ушли, Дима посмотрел на меня с подозрением. Только не говори, что опять кого-то спасать. Я молча улыбнулся. Именно. И кого на этот раз? Я глубоко вздохнул. Юру. Дима даже остановился. Какого ещё Юру? Не Антонова. Я сам до конца не понимал, почему был так уверен, но внутри уже не оставалось никаких сомнений. Фамилия всплыла сама собой. Айзеншпис. После встречи с Антоновым она не выходила у меня из головы. Сначала я решил, что это просто воспоминание о будущем. Но чем больше думал, тем сильнее ощущал: нет... Это и есть тот самый Юра, о котором меня предупреждали. Я не знал, где он сейчас. Не знал, что с ним происходит. Не знал даже, как объяснить Диме, почему мы должны искать совершенно незнакомого человека. Но одно понимал абсолютно ясно. Если судьба второй раз подсовывает мне одно и то же имя, значит, это уже не случайность. Поехали, сказал я. Куда? Искать человека, который однажды изменит советскую эстраду. А сейчас? Я посмотрел на спешащих по улице людей. А сейчас, если я не ошибаюсь, он сам очень нуждается в помощи. Дима тяжело вздохнул. Старик, когда-нибудь ты всё-таки расскажешь, откуда знаешь такие вещи. Когда-нибудь расскажу. Я улыбнулся. Но тогда ты мне всё равно не поверишь. И мы пошли искать ещё одного Юру, ещё не подозревавшего, что его жизнь вот-вот сделает крутой поворот. Юру Айзеншписа мы нашли у стен Московского экономико-статистического института. Он медленно вышел из здания с толстой папкой под мышкой. По всему было видно, что готовится к защите диплома. Молодой, подтянутый, с живыми, внимательными глазами. В его походке чувствовалась уверенность человека, который знает цену своему времени. Юрий? окликнул я. Он остановился и вопросительно посмотрел на нас. Да. Можно на минуту? Он подошёл ближе. Слушаю. Я протянул руку. Меня зовут Саша. Я комсомольский лидер из Москвы. Это мой товарищ Дима. Юрий крепко пожал руку. Чем обязан? Идеей. Он улыбнулся. Это уже интересно. Пойдёмте пройдемся. Мы неспешно двинулись по аллее вдоль института. Я несколько секунд молчал, собираясь с мыслями. Хочу создать первую комсомольскую музыкальную филармонию. Не просто концертную организацию, а место, где будут находить молодых исполнителей, помогать им записывать песни, организовывать гастроли, фестивали, встречи со зрителями. Чтобы талантливые ребята не годами обивали пороги кабинетов, а могли выйти на сцену. Юрий внимательно слушал, не перебивая. И при чём здесь я? наконец спросил он. Я остановился. Потому что именно вас я вижу организатором этого дела. Он даже рассмеялся. Меня? Вас. Вы ведь меня совсем не знаете. Зато знаю людей. Он прищурился. Смелое заявление. Я вижу человека, который умеет договариваться, организовывать, убеждать и добиваться результата. Такие люди встречаются редко. Артистов много. А тех, кто способен собрать вокруг них команду и сделать большое дело, единицы. Юрий задумчиво посмотрел куда-то вдаль. Любопытно... Обычно всем нужны певцы. Никто не ищет организаторов. Потому что большинство не понимает простой вещи, ответил я. Звезда рождается не только на сцене. За ней всегда стоит человек, который поверил в неё раньше остальных. Он долго молчал. Потом неожиданно спросил: И вы приехали в Москву только для того, чтобы предложить это мне? Да. А если я откажусь? Я улыбнулся. Значит, буду убеждать. Юрий рассмеялся уже искренне. Упрямый вы человек, Саша. Есть немного. Он снова посмотрел на меня, но теперь совсем иначе не как на случайного

знакомого, а как на человека, который принёс необычную идею. Хорошо, сказал он. Давайте хотя бы выпьем кофе. Расскажите подробнее про свою филармонию. Мы с Димой переглянулись. Кажется, первый шаг был сделан. Я ещё не знал, получится ли воплотить эту безумную затею в жизнь. Но одно понимал совершенно ясно. Иногда достаточно одной встречи, чтобы изменить не только собственную судьбу, но и судьбы десятков талантливых людей, которые пока ещё даже не подозревают, что их время скоро придёт. Мы устроились в небольшом студенческом кафе неподалёку от института. Стаканы с чаем принесли быстро. Юрий машинально размешивал ложечкой сахар, но было видно мысли его уже далеко отсюда. Ну, рассказывайте, наконец сказал он. Что вы называете комсомольской музыкальной филармонией? Я достал из портфеля несколько исписанных листов. Пока это только идея. Но любая большая стройка начинается с первого кирпича. Я разложил перед ним свои записи. Смотрите. Дом молодёжи. В нём репетиционные комнаты, музыкальные инструменты, студия звукозаписи, если удастся её собрать. Дальше молодёжные ансамбли. Потом концерты по предприятиям, институтам, стройкам, воинским частям. После этого городские фестивали. Лучшие коллективы отправляются на гастроли по стране. Юрий слушал, всё реже притрагиваясь к чаю. И кто всё это будет финансировать? Я улыбнулся. Уже думаю над этим. Шефские предприятия. Добровольные целевые взносы. Молодёжные вечера. Хозрасчётные концерты. Всё официально, без серых схем. Он поднял голову. Вы экономист? Нет. Тогда откуда вы всё это знаете? Я пожал плечами. Иногда просто вижу, как должно работать. Юрий взял мои листы. На одном была схема гастрольных маршрутов. На другом структура будущей организации. На третьем обязанности концертного отдела, технической службы, рекламной группы и администраторов. Он переворачивал страницу за страницей всё медленнее. Это не похоже на фантазию, тихо произнёс он. Это похоже на готовый проект. Потому что я собираюсь его строить. Юрий посмотрел мне прямо в глаза. А зачем вам я? Я немного помолчал. Потому что такие проекты погибают не из-за отсутствия денег. А из-за чего? Из-за отсутствия людей. Я постучал пальцем по столу. Музыканта можно найти. Певца тоже. Даже хорошего композитора. А вот человека, который способен собрать всё это вместе, договориться с чиновниками, убедить директоров заводов, организовать гастроли, найти транспорт, разместить коллектив, решить сотню проблем за один день и при этом ещё думать о завтрашнем концерте, таких единицы. Я сделал паузу. Мне кажется, вы именно такой человек. Юрий долго молчал. Потом неожиданно улыбнулся. Знаете, всю жизнь мне говорили, что я слишком пробивной. Это достоинство. Иногда говорили, что слишком настойчивый. Это тоже достоинство. А некоторые вообще считали меня авантюристом. Я рассмеялся. Тогда мы точно сработаемся. Он тоже рассмеялся. В этот момент напряжение исчезло. Мы уже разговаривали не как незнакомые люди, а как два человека, которых захватила одна и та же идея. Хорошо, Саша, сказал Юрий, закрывая папку с моими записями. Я защищу диплом. А потом приеду к вам. Хочу своими глазами увидеть этот Дом молодёжи. Если хотя бы половина из того, что вы рассказали, уже существует, значит, вы действительно задумали что-то большое. Я протянул ему руку. Договорились. Он крепко пожал её. И вдруг я почувствовал странное облегчение. Только теперь до меня дошло, зачем судьба так настойчиво твердила: «Спаси Юру». Возможно, спасти нужно было вовсе не человека. Нужно было вовремя найти человека, без которого моя будущая мечта так и осталась бы красивой фантазией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.